

INSPIRIA

Любовь с первого взгляда

кейт клейборн

«Самые восхитительные
персонажи, которых
я встречала».

КРИСТИНА ЛОРЕН

ОДНО МГНОВЕНИЕ
РЕШАЕТ ВСЕ...

INSPIRIA

Сурсакe. Ромкомы

Кейт Клейборн

Любовь с первого взгляда

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Клейборн К.

Любовь с первого взгляда / К. Клейборн — «Эксмо»,
2021 — (Cupsake. Ромкомы)

ISBN 978-5-04-179145-2

Это история о ссорящихся соседях, неожиданных воссоединениях и, конечно, любви. Идеально для поклонников романов Кристины Лорен, Сары Хогл и Эмили Генри. Шестнадцать лет назад подросток Уилл Стерлинг увидел или, скорее, услышал девушку своей мечты. Стоя под балконом жилого дома, он разделил этот романтический момент с... теплым голосом незнакомки. Прошли годы, и новость о неожиданном наследстве привела Уилла по тому же адресу. Теперь это его новый дом, а девушка двумя этажами выше кажется ему подозрительно знакомой. Вечер, балкон, случайная встреча — Уиллу и Норе суждено быть вместе. Или не все так просто? «Любовная химия между Уиллом и Норой и причудливые герои заставляют переворачивать одну страницу за другой». — Publishers Weekly «После прочтения этого романа появляется теплая, сияющая любовь к человечеству». — The New York Times

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-179145-2

© Клейборн К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кейт Клейборн

Любовь с первого взгляда

Kate Clayborn

LOVE AT FIRST

Copyright © 2021 by Kate Clayborn

Cover design by Kensington Publishing Corp.

© Четверикова Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Нони

Тебя сильно любили.

По тебе сильно тоскуют.

Ты (и твой Ромео) живы в наших воспоминаниях

Пролог

Когда Уилл Стерлинг впервые увидел Нору Кларк, он едва мог видеть вообще.

Из прохладной тени раскидистого клена, к которому он прислонился в тот солнечный день, весь окружающий мир виделся ему расплывчатым: зеленые, но бесформенные листья кроны над ним, скучно-темная мебель с нечеткими углами на участке слева, высокое, песочного цвета здание напротив; черные двери всех квартир казались бледно-серыми, расплывчатыми прямоугольниками, выходящими на деревянные балконы, которые, если не прищуриться, шли в глазах волнами.

Он уже привык к этой расплывчатости, или, может, ему и не пришлось привыкать. Уилл даже не помнил времени, когда ему не нужно было щуриться, чтобы четче видеть предметы, хотя знал, что все становится еще хуже. Знал, что сидеть на втором ряду в школе больше не помогало, что в прошлом году он иногда выходил с третьего урока – английской литературы, единственной дисциплины, куда они ходили вместе с Кейтлин, которой нравилось сидеть на дальнем ряду, – с пульсирующей головной болью. Уилл знал, что чистая белая кожа бейсбольного мяча стала краеугольным камнем, что лучше всего он различал ее на фоне ясного голубого неба, а это значит, что в облачные дни от тренера ему доставалось по первое число.

Он знал, что едва ли может сказать, улыбается ли его мать, если не подойдет к ней вплотную.

Но... очки? Уилл Стерлинг в очках? На поле в этих огромных запотевших спортивных окулярах, как у Брэндона Тенни?

Он не мог примириться с этой мыслью, пока нет. Так что весь прошлый год обманывал школьную медсестру на проверке зрения: списывал с тетради соседа, а не с доски или экрана, сперва – как он надеялся, вежливо и очаровательно – спросив на это разрешение. Он держал кулачки за ясные дни.

Ненадежные глаза Уилла вернулись к расплывчатому черному прямоугольнику, который он старался рассмотреть поближе: именно через него его так бесцеремонно выпроводили двадцать минут назад.

– Жди снаружи, – сказала мать резким, незнакомым тоном, означавшим, что день у нее явно пошел не по плану. Двух с половиной часовая поездка в Чикаго, где Уилл никогда раньше не был, обещание ничего не говорить отцу, и ни единого слова предупреждения о том, что они будут стоять в темном коридоре на первом этаже этого многоквартирника и мать постучит в дверь с почти хамской настойчивостью.

– Это твой дядя, – сказала мать, когда дверь открыл совершенно незнакомый низкий мужчина с грудью колесом. Уилл стоял достаточно близко, и глаза его находились на подходящем уровне, чтобы заметить, как рот мужчины на миг приоткрылся, но затем замкнулся, а челюсть напряглась.

– Мой брат, – мягко добавила мать, в ее тоне проскользнула какая-то эмоция.

«У тебя есть брат?» – подумал он в замешательстве, мысли плавали, но он протянул мужчине – своему дяде – руку, чтобы пожать.

– Я Уилл, – произнес он автоматически, вежливо, радуясь тому, что за последние месяцы, после того как ему исполнилось пятнадцать, голос почти перестал ломаться. Уиллу он сам показался куда взрослее и увереннее, чем он ощущал себя на самом деле.

Но мужчина – его дядя, дядя, о котором он *никогда не слышал*, – не пожал ему руку. Даже не взглянул на него. Он только уставился на мать Уилла так, будто увидел призрак или кого-то живого, но вернувшегося с того света.

В квартире, где пахло сигаретами и тем же средством для полировки мебели, что использовала его мать, никто даже не порывался сесть, никто не произнес ни слова. Его дядя – Донни,

наконец сказала мать, поскольку мужчина не выразил интереса в дальнейшем знакомстве, – стоял у коричневого кресла (бугристого, но плохо различимого ненадежными глазами Уилла), засунув руки глубоко в карманы джинсов. Мать осталась стоять у двери, и Уилл тоже. Она ждала, думал он, пока ее искренне, радушно пригласят.

Но даже Уилл мог видеть, что этого не будет.

– Не при твоём ребенке, – сказал наконец Донни. Это были первые его слова, услышанные Уиллом.

«Твой ребенок», – повторил Уилл про себя. Он всегда умел слушать и сразу все понял. Может, этот Донни и был дядей Уилла, но точно не собирался становиться с ним одной семьей, так что Уилл пытался убедить себя, что все в порядке. В конце концов, он был единственным ребенком и до этого момента думал, что его родители тоже были единственными детьми. У остальных в его школе были бабушки, дедушки, братья и сестры, всегда большие семейные праздники. Но дом Стерлингов был маленьким, немногочисленным. Лишь они втроем. Ни кошки, ни собаки, ни даже золотой рыбки, чтобы ничего не усложняло жизнь.

Уилл почувствовал, как шея у него покраснелась, в животе погорячело, а мышцы рук напряглись. В последнее время он легко заводился, быстро зверел. Когда его не занимали мысли о девушках – в основном Кейтлин, но, если честно, взгляд у него блуждал еще как, – он становился угрюмым, легко отвлекался и замыкался в себе. Если учитель говорил правду, то все это часть взросления, но в то же время Уиллу казалось, что у этой сбивающей с толку вспыльчивости есть причина. Пусть ему всего пятнадцать, но он уже выше этого странного Донни, к тому же он качается для бейсбола. И ему не нравилось, когда с мамой говорили так резко.

Но затем мама указала ему на дверь, сказав ждать на улице, – и его просто ошарашили эти слова... этот приказ. Дома его родители всегда вели себя расслабленно, дружелюбно, даже немного рассеянно, и Уиллу казалось, будто это был не столько метод воспитания, сколько желание уделить больше времени друг другу и их взаимной, иногда утомительной привязанности, зато... ему разрешали ложиться позднее, чем другим детям, он мог не спрашивать разрешения на все подряд и не показывать выполненную домашнюю работу каждый вечер или не предупреждать, что он поздно вернется домой с тренировки.

Так что Уилл, шокированный – ситуацией, каждым мгновением, которое к ней привело, – вышел. Через заднюю дверь вместо передней – тот самый расплывчатый черный прямоугольник, который он сейчас рассматривал. Зрение и яркое июльское солнце не позволили бы ему увидеть, что происходит внутри, поэтому, выйдя, он притворил только экран, а стеклянную дверь оставил открытой. Стоя на шатких деревянных досках, Уилл повернулся налево и сделал пару мелких, шатких шагов с террасы. Пересек нагретую солнцем лужайку к раскидистому, слишком крупному для этого двора дереву.

И стал ждать.

Попытался сконцентрировать глаза и ум.

Почему ему никогда не рассказывали о том, что у него есть дядя? Почему мать приехала сюда – и привезла Уилла, – не сказав отцу? Почему, если задуматься, дома в последнее время было как-то тихо, а мама с папой мрачнели и чаще стали запирались от него в спальне, отмахиваясь от всех вопросов, когда наконец выходили?

Может, кто-то другой сказал бы, что дело идет к разводу. У многих в команде Уилла родители были в разводе, у одного и вовсе была жуткая ситуация: с судом, социальными работниками, отцом и матерью, которые постоянно соревновались друг с другом, даже на трибуне во время игр. Но Уилл слишком хорошо знал своих родителей, чтобы подозревать их в расставании. Стерлинги любили друг друга, любили так, что от всех их тайных, обычно улыбчивых взглядов друг на друга и близости, когда они сидели рядом, от их прикосновений, шепотков и

поцелуев Уилл иногда чувствовал себя третьим лишним. Как нежеланная собака, кошка или золотая рыбка.

Как помеха.

– Эй! – прервал его мысли голос откуда-то сверху.

Девчачий голос.

Даже по такому краткому и обыденному восклицанию он показался Уиллу прекрасным. Словно первые ноты смеха.

Он поднял голову – рефлекторно, в предвкушении.

А затем... она и правда рассмеялась. Смех вырвался в воздух над ним, спустился по балкону, как ветви плюща, заставив Уилла замереть, а его юношеское сердце сбиться с ритма так, как этого не случалось прежде. Позже, намного позже, когда он позволил себе задуматься об этом дне, дне, в который почти вся его жизнь переменялась, он вспомнил, что только голос этой девушки показался ему чем-то знакомым посреди странного двора дома, где его только что обнаруженный дядя говорил с его матерью, грустной, скрытной, раздраженной и напуганной. Он показался таким знакомым и приветливым, что Уилл на несколько мгновений даже забыл, каким странным был весь его день в целом. И, как ни стыдно это признать, он совершенно забыл о Кейтлин.

– Эй, – повторила девушка уже громче и снова засмеялась. Он оттолкнулся от дерева и шагнул к навесу, чтобы увидеть ее... или увидеть что-то, предположительно бывшее ею.

«Расслабься», – сказал он себе, откинув прядь волос со лба. Он полагал, что с верхних этажей его не видно, но совершенно ясно...

– Убирайся оттуда! – крикнула она, как только он вышел из тени. Уилл замер. Второй приказ за день? Определенно нетипично, но в этот раз он понятия не имел, чем провинился.

Но потом.

Потом он увидел ее.

Третий этаж, справа. Ее расплывчатый – ну конечно же, расплывчатый – силуэт, но небо за ней было ярко-голубым, и расплывчатость с таким же успехом могла быть вызвана ее движениями. Она размахивала руками, длинный жгут прямых каштановых волос, забранных в хвост, перевесился через плечо, обтянутое белоснежной футболкой. Из-за бортиков балкона ног девушки не было видно, но Уилл понимал, что она прыгает – по дергающемуся хвосту и звуку глухих ударов о деревянные половицы.

– Давай, давай! – вопила она, и он уже почти отступил, теряя весь свой дух от шока и досады, что его так... прогоняют. Особенно она. Но заметив, как два мохнатых коричневых силуэта – с извивающимися за ними пушистыми хвостами – соскочили с балкона на линию проводов, которая пересекала двор, и пронеслись мимо него, Уилл с облегчением и счастьем понял, что девушка кричала не на него.

Она кричала на...

– Белки, Нонна! – вопила она через плечо расплывчатому черному прямоугольнику у себя за спиной, и он нахмурился, подивившись второму слову. Он его раньше не слышал. Уилл осторожно шагнул вперед. Он сощурился и разглядел, что ее лицо было овальным. Она уперлась руками в бока, повернулась к убегающим белкам, как будто хотела удостовериться, что они и правда убегают. Если до этого сердце у него сбилось с ритма, то теперь оно заколотилось с какой-то отчаянной быстротой.

При знакомстве с Кейтлин все было не так. Все было не так и при встрече со многими другими девчонками, в кого он влюблялся за последние пару лет. В этот раз было иначе. В его сердце и в голове.

Она вздохнула, резко и раздраженно, уронив руки и наклонившись вперед, чтобы что-то рассмотреть.

Уилл только сейчас обратил внимание, что окружало ее на балконе: из щелей досок и козырька выглядывала зелень. Очертания девушки потеряли ясность, и он стал проклинать зелень и свое зрение. Как он поймет, если она на него посмотрит? Может, она и сейчас его видит, через все эти доски и растения? Надо придумать, что ей сказать. Может, Уиллу стоит спросить о белках? Или узнать, что такое «нонна»? Можно ли придумать фразу, которая не превратит его в сталкера-извращенца, кем он сейчас, скорее всего, и выглядит?

Он немного хмыкнул, удостовериться, что голос не сломается, – и девушка тут же выпрямилась.

Может, просто надо поздороваться. Это ведь не странно, да?

Он открыл было рот, чтобы сказать «привет», но его что-то... стукнуло. Прямо по макушке. Он потянулся к голове, но в него снова что-то попало, а затем еще раз. Не больно, не сильно. Скорее как первые капли дождя. Падали, отскакивая от него, на землю.

Она в него чем-то кидалась?

Стук, стук, стук. В волосах было что-то теплое и влажное. Впервые с той минуты, как он услышал ее голос, Уилл посмотрел вниз. У ног его лежали ярко-красные шарики, он поднял один из них. Идеальные зрелые помидорки черри со следами укусов двух бесстрашных белок, за которыми гналась девушка на балконе. Кажется, впервые за долгие часы он улыбнулся. Поднял еще несколько, хотя девушка продолжала сбрасывать во двор наполовину изъеденные плоды. Уилл выпрямился, держа ладони чашечкой на уровне пояса, и посмотрел наверх: лицо девушки было устремлено в другую сторону. Они швыряла эти домашние, городские, выросшие на балконе помидорки, даже не глядя, но Уиллу почему-то еще больше захотелось подойти к ней и познакомиться.

Он прошел к черному прямоугольнику задней двери. Однако не стал подниматься на балкон дяди, а встал у лестницы, думая, что с этой точки его будет лучше видно... и ее будет лучше видно. Он бы позвал ее. Сказал бы: «Эй», – прямо как она сказала кому-то другому. Спросил бы: «Ты, кажется, что-то уронила?» – а затем улыбнулся и поднял руки с помидорками. Он надеялся, что у нее достаточно хорошее зрение, чтобы разглядеть семена помидоров у него в волосах.

Но тут он услышал голос матери из-за экрана, из-за черного расплывчатого прямоугольника, о котором он уже и позабыл.

– Нам нужна помощь, – говорила мать. – Мы с мужем, оба... молим тебя о помощи.

В третий раз за день сердце Уилла переменяло ритм.

Он заставил себя вслушаться, застыть без движения. Если девушка сейчас смотрела на него, она могла бы принять его за статую. Декор лужайки для ловли помидоров, которого она раньше не замечала.

Но в те долгие, роковые минуты, пока Уилл слушал разговор матери с дядей, о котором никогда прежде не слышал, и кожа его покрывалась испариной от шока, девушка его не волновала.

Позже он вспоминал, как громко и резко прекратился их диалог: мать на повышенных тонах назвала Донни жестоким, упрямым и сказала, что он еще пожалеет о своем решении. Что если позволит ей сейчас уйти, то никогда больше не увидит ни ее, ни Уилла.

Позже он вспоминал тишину в ответ.

От этой тишины он опустил руки, едва заметив, как помидоры падают на землю. Он пошел к лестнице, за своей матерью, хотел узнать, сработал ли ультиматум, но мама опередила его: открыла экран и выбежала из квартиры вся побледневшая. Вблизи Уилл заметил слезы у нее на щеках. Пройдя мимо, она даже не взглянула на него, но он сразу понял.

Сразу понял: она знает, что Уилл все слышал.

Он последовал за ней к машине, поняв, что впервые за долгое время едва может за ней угнаться, хотя ноги у нее куда короче. Они прошли под деревом, через двор к переулку, где недавно припарковались.

Он сидел на пассажирском сиденье, наблюдая, как мать возится с ключами зажигания, и только затем вспомнил о девушке. Вспомнил ее голос, ее смех, ее нонну, белок и испорченные помидоры. И подумал, как глупо, что он ее заметил. И что это показалось таким важным. Сейчас все в окружавшем его мире было глупым: школа, лето, Кейтлин, бейсбол, – все, что не касалось слов его матери и их с отцом отчаянной просьбы. Все было глупо в нем самом: его беспокойство, перепады настроения, абсурдная влюбленность в швыряющихся томатами незнакомок, его тупое долбаное зрение и юношеская спесь.

Он коснулся ее запястья.

– Мам, – сказал Уилл, решившись именно в тот момент, когда услышал собственный голос. Он решил соответствовать своему возмужавшему голосу. Решил, что все услышанное им в той квартире обязывало его повзрослеть.

– Все в порядке, – ответила она, и он подумал, что мама сказала это скорее для себя, нежели для него, но все же сжала его руку в ответ, стараясь успокоиться. – Все в порядке, – повторила она. Он повторил за ней. Несколько раз, пока она не успокоилась достаточно, чтобы вести машину.

Когда мать включила задний ход, Уиллу на один краткий отчаянный миг захотелось обернуться к небу, к тому балкону на третьем этаже. К девушке с чарующим голосом и длинным хвостом. Девушке, которую он не смог даже рассмотреть.

Он не обернулся.

Он решил покончить с расплывчатыми вещами. Со своей незрелостью.

Утром в понедельник он позвонил офтальмологу с офисом в торговом центре достаточно близко к дому, чтобы доехать на велосипеде, и записался на прием, уже понимая, что не пройдет ни один из его тестов на остроту зрения. Позднее в тот же день он пришел на летнюю тренировку, только чтобы уйти из команды, и проигнорировал все протесты пораженного, сбитого с толку тренера, а потом и протесты Кейтлин, с которой расстался спустя пару часов.

Он не позволил себе даже думать о девушке с балкона.

Теперь он все видел предельно ясно.

Глава 1

Шестнадцать лет спустя

Лучшим временем дня для Элеаноры ДиАнжелло Кларк был, к возмущению многих, вовсе не день.

Лучшим временем дня были часы перед рассветом.

Она совсем недавно прониклась такой симпатией к четырем часам утра. Поначалу, после приезда, раннее пробуждение было для нее не столько желанием, но необходимостью. Требованием дней, которые рано начинались и растягивались допоздна, а также последствием нарушений сна. В такие моменты четыре утра ничем не отличалось от любого другого часа: они были темнее в качестве, но не в характере. Очередная сторона мрачного, человеческого процесса прощания, пройти через который она не была – и никогда не будет, по ее ощущениям, – готова.

Когда все закончилось, а дневное время наполнилось делами и какими-то формальностями, когда до нее наконец начала доходить реальность ее новой жизни, ее отношение к четырем часам утра начало меняться. Порой она просто сидела с чашкой горячего кофе, уставившись в пространство; горячий пар обдавал заплаканное лицо. Порой просыпалась от беспокойного, дурного сна и выходила через заднюю дверь на балкон, вдыхая свежий, прохладный осенний воздух, словно это лекарство. Порой она сидела за старым письменным столом и составляла списки, которые определяли ее задачи на день и помогали чувствовать себя уверенно в месте, где ей ни разу за всю жизнь не понадобилась уверенность.

Однако день за днем четыре часа утра перешли на более плавный ритм, и Нора подстроилась под него, немного изменив свои импульсивные привычки. В гармонии тишины и мрака она попивала кофе и не выходила на улицу, если было холодно, давая разуму плавно, неспешно проснуться. Списки она писала позже, а в раннее утро просто дышала свободно. Думала и не думала, вспоминала и не вспоминала. Позволяла себе просто быть.

За восемь месяцев просыпаться в четыре утра стало традицией, секретным ритуалом, которому она даже дала имя. Вечером, ложась в кровать, она открывала приложение с часами на телефоне и включала будильник под названием «Золотой час». Затем закрывала глаза и начинала ждать ощущения перезагрузки, которое приносил этот ранний час, нежного приветствия наступающего дня.

Она даже начала думать, что в четыре утра все налаживается.

Кроме.

Кроме одного.

С тех пор прошло уже две с половиной недели, и теперь Нора проводила каждый день именно так, как сейчас: сидя на балконе в пижаме и нервничая.

А все из-за Донни Пастернака.

Нора знала, что так думать нельзя, что так *чувствовать* нельзя. Кто же обвинит человека в собственной смерти? Особенно такого мирного и доброго, как Донни? Кто будет сидеть и осуждать – соседа, друга, почти родного – человека, который так внезапно и неожиданно, так преждевременно ушел? Кто будет настолько... злиться?

Ответ таков: Нора.

Нора будет.

«Ты не злишься на Донни, – отчитала она себя, – ты понимаешь, что дело в другом».

Она отпила кофе, стараясь уловить ощущение золотого часа. Было прекрасное еще-не-утро: теплое, без влажности, очень приятное, – именно такого она и ждала всю свою первую суровую зиму в Чикаго.

Но не вышло.

Она злилась. Она злилась, психовала, и ей было страшно, потому что тихий, добрый Донни Пастернак умер, а это уже достаточно плохо, особенно так скоро после Нонны. Но, помимо этого, к ней пришло ужасное осознание того, что быть соседкой, подругой и *почти* членом семьи не значит равным счетом ничего, когда речь зашла о том, что делать с его квартирой.

Нора никогда не тешила себя иллюзиями о том, что другие думают о старом кирпичном здании на шесть квартир, который стал для нее первым в жизни настоящим домом, хотя за годы характер суждений изменился. Когда она впервые приехала с визитом, родители всю дорогу от аэропорта тихо – если честно, не очень тихо – обсуждали, что Нонна потратила уйму лет и денег на этот «домишко», когда могла после смерти мужа, дедушки Норы, остаться в своем прекрасном доме в пригороде, последний платеж за который был внесен уже давным-давно. Спустя двадцать лет мнения изменились: разве это не самый ветхий дом в районе? Может, ему стоит немного подтянуться, чтобы соответствовать? Неужели никому и в голову не пришло освежить его, сделать немного современнее? Эти полосатые обои в коридорах... они что, из бархата?

Дело в том, что никто не ценил классику. Люди не понимали, что такое преданность!

Нонна всегда так говорила.

Нора прикрыла глаза, задумавшись, что бы Нонна сказала сейчас. Наверное, что Донни был далеко не «люди». Она бы сказала, что доверяла Донни. Что Донни, как и другие жильцы дома, ставшие ей семьей (и совсем не «как»!) за все эти годы, позаботился о том, чтобы квартира перешла в хорошие руки, к тому, кто понимал этот дом. На самом деле так считали все жильцы. В конце концов, Нонна завещала квартиру Норе, потому что знала: внучка позаботится о ней. Она знала, что Нора любит этот дом так же сильно.

– Может, он оставил квартиру кому-то из нас, – сказал Джона неделю назад, на первом собрании жильцов после смерти Донни. Нора стояла у входа, на бетонном полу в подвале прачечной – суровая реальность под подошвами ее кроссовок. Лица соседей светились надеждой, ей вспомнились три неудачные попытки дозвониться до нотариуса Донни.

«Думаю, нам бы уже сказали, – думала она. – Думаю, нам бы сказали, если бы наследником стал один из нас».

Однако Нора не произнесла этого вслух. Она изобразила улыбку и сказала: «Наверное, нам лучше подождать, пока что-то не выяснится», – сжимая устав жильцов с чувством надвигающегося рока. Если это не один из них, она не знала, кто стал наследником. Сколько лет она знала Донни, и он был мирным и добрым, а еще – одиноким. Ни девушки, ни парня, ни друзей, ни семьи за стенами этого дома.

Четыре утра – это слишком рано для очередного звонка нотариусу?

Нора с силой выдохнула, пустив рябь по едва пригубленному кофе темной обжарки. Дело в том, что ей давно пора было перестать предаваться размышлениям в четыре утра. Может, следовало снова составлять списки дел, потому что те неотвеченные звонки точно предвещали неладное: наверняка какая-то безликая фирма по инвестициям в недвижимость прямо сейчас прочесывала записи о смертях в округе Кук¹, ища возможность повернуть какой-нибудь свой трюк. Они могли заявиться на мусоровозке, выкинуть все вещи мирного и доброго Донни Пастернака; они бы точно жаловались на обои в коридоре («Никакой преданности!» – фыркнула откуда-то Нонна). Месяцем позже перед домом красовалась бы табличка «Продается», указывавшая на квартиру Донни, с ценником – и это стало бы началом конца дома, в котором Нонна построила свою вторую жизнь, который – со щепоткой случая и горой усилий – стал одной большой семьей.

¹ Кук – округ в штате Иллинойс.

Она снова вздохнула – в этот золотой час ситуация была в самом деле «горе мне», – выпрямила ноги и встала с кресла, жестко, прямо, приготовившись. Она не может просто сидеть и ждать... должен быть выход.

В этот момент дверь внизу открылась.

Норе было знакомо утро в четыре часа.

Норе было знакомо утро в четыре часа в этом доме.

Она точно знала, что никто, кроме нее, никогда не выходит на балкон в этот час.

Никто, кроме.

Никто, кроме... кого-то новенького.

Нора понимала, что будет во всех смыслах совершенно неприемлемо броситься на балкон и, перегнувшись через перила, спрашивать человека внизу, как ему винтажные обои. Во-первых, солнце еще даже не взошло. Во-вторых, под пижамой у Норы не было бюстгалтера. В-третьих, если обои были единственным, с чего она могла начать разговор, ей не помешало бы чаще общаться с людьми.

А может, внизу тот самый нотариус, который не знает телефонного этикета? Или хуже! Лицо безликой фирмы по инвестициям? Конечно, время было раннее, но, может, эти люди круглыми сутками и без выходных воплощают свои обоененавистнические планы? Она точно была не готова к подобным стычкам, особенно без бюстгалтера и заготовленного слайд-шоу о меркантильных трендах рынка недвижимости.

«Сначала бюстгалтер», – сказала она себе, потянувшись к дверной ручке, и застыла.

А что, если это вообще кто-то другой?

Нора не могла это объяснить, это предчувствие... предчувствие, будто еще рано уходить в квартиру, будто она должна встретиться с открывшим ту дверь человеком.

Само собой, раннее утро никуда не делось, как и отсутствие белья на ней, к тому же она так и не придумала, с чего начать разговор, так что решила, пусть это знакомство хотя бы на какое-то время останется односторонним. Она аккуратно поставила чашку с кофе на столик на балконе и – благодарная за тишину деревянного пола под босыми ногами (спасибо ее осведомленности о самых скрипучих половицах) – сделала шаг к перилам и пристроилась в промежутке между многочисленными цветочными горшками.

А затем выглянула и посмотрела по диагонали вниз, на балкон Донни.

Сначала она увидела лишь темный силуэт, очерченный светом из квартиры. С ее ракурса было видно лишь тело: на перилах балкона, выдававшегося во двор чуть сильнее, чем балкон Норы, были широко расставлены длинные руки; между ними и стройной талией, переходящей в широкую, вогнутую спину, образовались треугольные пустоты; голова между напряженными плечами была низко опущена.

Нора словно любовалась скульптурой, предметом искусства, который полностью поглощает внимание. Который настойчиво заставляет тебя быть в моменте, запоминать увиденное. Пока не взойдет солнце. И не закончится золотой час.

И тут ее осенило.

Вряд ли в такое позе стоял бы риелтор, которому она собиралась демонстрировать слайд-шоу.

Эта поникшая, ссутуленная поза свидетельствовала о... скорби?

Нора ахнула от удивления и резко отступила от перил.

Опрокинув один из горшков.

Удар терракоты о дерево, звук рассыпавшейся земли, шелест трясущихся воцеленных листьев – все это показалось Норе самым громким звуком с момента возникновения Вселенной.

Она с силой зажмурилась. Постаралась застыть и не двигаться, как он. Если все получится, мужчина на балконе подумает, что горшок сбил порывистый ветер, существующий исключительно на уровне третьего этажа. Или какая-нибудь живность. Да, звучит логично. Енот или особенно сильная бел...

– Здравствуйте?

У него был низкий голос, но спросил он так тихо и осторожно, что Нора решила молчать, застыв, как статуя, пока он не уйдет в дом. А позже (и в бюстгальтере) она бы спустилась, представилась, принесла ему свои искренние извинения и ни словом не обмолвилась бы о своей жалкой, эгоистичной надежде на то, что Донни в конце концов поступил правильно.

Правда, было немного нечестно игнорировать его, особенно после того, как она подглядывала и вообще последние полчаса необоснованно злилась на его ушедшего от болезни возможного родственника. Тогда можно просто сказать: «Привет», и на этом все. Извиниться за беспокойство. И не спрашивать о его отношении к винтажным обоям.

Она шагнула к перилам, в последний момент сообразив перекрестить руки на груди.

Нора посмотрела вниз, и в этот раз он смотрел прямо на нее.

Он был высоким – она поняла это даже с высоты своего балкона. Вот как хорошо она знает этот дом: может понять параметры человека в зависимости от окружения – перил, козырьков, дверных проемов. Даже в прямом положении плечи у него были широкими, но в целом он выглядел стройнее, чем в первоначальной ссутуленной позе. Может, дело в одежде – слишком темной, чтобы по-хорошему рассмотреть мужчину, и свободной, как пижама. Норе понравилась мысль, что они оба на балконах в неглиже.

Однако она увидела что-то в его лице – залитом теплым золотистым светом из квартиры, – отчего у нее перехватило дыхание, а время как будто остановилось. Он был начисто выбрит, с квадратной челюстью и нахмуренными бровями, в которых читался заданный им вопрос. Эти четкие, очерченные линии сами по себе были очень привлекательными, но с дополнявшими их плавными изгибами становились еще красивее, просто потрясающими. Густые волнистые волосы, взъерошенные так, что Нора даже задумалась, нет ли на первом этаже какого-то особенного ветра с чрезвычайно хорошим вкусом. Приоткрытые полные губы. О глазах Нора могла лишь догадываться, потому что их скрывали блики очков в темной оправе.

Она сглотнула.

– Привет, – прошептала она ему наконец.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, и ей показалось, что у него очень хорошо получается замирать. Даже профессионально. «Может, он мим», – сказала особо впечатленная часть ее мозга. «Нет, караульный в замке», – возразила она сама себе. Все еще под впечатлением, учитывая полное отсутствие замков в, ну... Иллинойсе.

Затем он поднял правую руку. Медленно поднес ее к груди и почесал крупной кистью в области сердца.

– Вы... – произнес он, держа ладонь на сердце, и Норе вдруг сильно захотелось сосчитать удары ее собственного. Раз-два, раз-два.

– ...напугали меня, – договорил он, хотя ни в тоне его, ни в тихом голосе не прозвучало и намек на испуг. Он чуть двинулся, опустив руку. Глаз все еще не было видно из-за бликов на стекле очков, но она чувствовала на себе его взгляд.

– Простите, пожалуйста, – извинилась она, придвинувшись к перилам и облокотившись на них все еще скрещенными руками. – Я не хотела...

– О нет, я... – начал было он, но замолк. Заговорив снова, он понизил голос: – Простите, если я разбудил вас, когда вышел сюда.

– Ничего страшного, – ответила она, кивая на здание. Такое ощущение, будто они двое были в сговоре, шептались в темноте. – Вы никого не разбудите.

Три из шести квартир в здании были заняты людьми с... не очень острым слухом, мягко говоря. А Бенни, который жил под Норой, при любом удобном случае пел дифирамбы своей машине, генерирующей белый шум, так что он определенно их не услышал бы.

– Я в это время всегда не сплю, – добавила она и поджала губы. Зачем она это сказала? Это же был секрет.

Он склонил голову набок, и все черты его лица словно разом изменились – поднятая бровь, вздернутый уголок рта. Что-то в его выражении неподдельного интереса и любопытства задело Нору за уязвимое, давно забытое место.

Словно она уже давно – многие месяцы, если честно, – ничего не чувствовала. И ни с кем не знакомилась.

Щеки у нее приятно потеплели.

– Правда? – спросил он.

– Да. – Она не собиралась ничего объяснять, особенно потому, что ее слова прозвучали бы... с придыханием, которое она не планировала. Но, не успев сообразить, она добавила: – Это золотой час.

«Нора! – заголосил ей разум (и без придыхания). – Что! Ты! Такое! Говоришь!»

У нее промелькнула надежда, что мужчина внизу не расслышал. Ну из-за этого своего ветерка на первом этаже.

– Золотой час?

Ладно, хорошо. Он расслышал.

Она прокашлялась. Надо было ответить, кратко, не странно (или с придыханием). Затем она бы завела разговор о Донни и принесла необходимые, на ее взгляд, соболезнования.

– Я так называю это время дня... или, видимо, еще не дня? – «Восхитительно», – подумала она, фигурально закатив глаза. – Всегда считала его таким спокойным и бесшумным.

Он снова замер, нахмутив бровь, будто раздумывая над ее словами. Затем криво ухмыльнулся, одновременно самоуверенно и самоуничижительно.

– Теперь он не такой бесшумный, – ответил он, шагнув к балкону, и Нора постаралась не обращать внимания на чувства, вызванные в ней его улыбкой и нежным голосом. Особенно в том самом месте под скрещенными руками.

«Боже, – думала она. – С этим лучше что-то сделать».

Она прижала их сильнее к груди.

– Ничего страшного, – повторила она, а губы невольно изогнулись в улыбке.

– В моей профессии это значит кое-что другое. Я про золотой час.

– Вы фотограф? – Нора слышала это словосочетание только в одном контексте: что-то про освещение в определенное время суток. И это время точно было не четыре утра.

Усмешка – и уверенность – потухли.

– Эм. Нет. Не важно. Это не очень... приятно.

Теперь была очередь Нору с любопытством склонить голову. Что неприятного может быть в сочетании «золотой час» в любом контексте?

– О чем вы?

Вот после этого ей абсолютно точно надо было найти способ вспомнить о Донни. Абсолютно точно.

Его грудь поднялась со вздохом и опустилась на выдохе. Когда он наконец заговорил, делал это очень робко. Как бы извиняясь.

– Мы так называем первый час после получения травмы. Серьезной травмы. Это время, когда... Это промежуток, когда лечение наиболее эффективно.

– О, ясно. – Она опустила взгляд ниже его лица, осознав одну деталь: он не в пижаме, это форма медработника. – Вы доктор?

– Да.

Ух ты, хорошо, что миссис Салас из квартиры 2Б еще спала. Нора почти слышала ее голос у себя в голове. «Доктор, Нора! – воскликнула бы она. – Ты разве не хочешь замуж за доктора?»

Нора прочистила горло, отмечая эти мысли. Надо заговорить о Донни. Сейчас неплохое время.

Но вместо этого она спросила:

– Вы работаете в ночную смену?

– Я работаю, когда понадобится, – ответил мужчина, и ей показалось, что она слышит усталость в его голосе. – Все время.

Это прозвучало так... упаднически, то, как он это произнес. Так вымотанно. Она открыла рот, чтобы что-то сказать: что ей жаль, что это, должно быть, очень тяжело. Однако он ее опередил:

– Вы тоже?

– Работаю ли я тоже все время?

Он улыбнулся ей, теперь по-другому. Нора подумала, что эта улыбка как рассвет, хотя вокруг было еще темно. Эта улыбка озарила все мысли в голове девушки: Донни, квартира, дом.

– Вы работаете в ночную смену? – уточнил он.

– Ой, нет. Я просто жаворонок, наверное. Работаю днем. Из дома.

Он этого не спрашивал, верно? Но внезапно этот разговор обрел для Норы характер золотого часа. Тайный, особенный и только для нее.

– О, правда? – спросил он с этой сладостной ноткой интереса в голосе. Он поправил очки, и в эту секунду Нора поддалась абсурдному порыву притяжения к этому мужчине. Она почти пропустила его следующий вопрос.

– Кем вы работаете?

Она улыбнулась ему, в предвкушении пошаркивая ногами по деревянному полу. Ей уже давно не представлялось возможности поговорить, по-настоящему поговорить о своей работе с кем-то, кроме своих коллег. Ей нравилось то, чем она занималась, несмотря на все мигрени, одолевавшие ее в последнее время, новое положение дел и так далее. Ладно. Она ответит на этот вопрос, а затем поднимет тему Донни.

– Я занимаюсь дизайном в...

Но, прежде чем она успела закончить, ее речь прервал крик.

– Что за черт?! – воскликнул мужчина, повернув голову в сторону, во тьму черной уже не-ночи.

Нора не сдержалась.

И засмеялась.

Он посмотрел на нее, снова поднеся руку к груди и мило погладив ее в области сердца. Этого высокого красивого мужчину в очках было так легко испугать, что... ей стало невероятно весело. Она была полностью и искренне им очарована.

– Это кот, – сказала она с нотками смеха в голосе. – Бродяжка. Наверное, один из стаи здоровяков.

Она перестала смеяться, кое-что осознав. Нора не слышала этих котов уже пару недель, с тех пор как...

– Донни, – вырвалось у нее.

Мужчина внизу резко опустил руку.

Повисла долгая неловкая пауза, во время которой душа Норы точно покинула тело. «А вот это уже без меня!» – видимо, сказала она, весело помахав на прощание.

Нора прокашлялась.

– Он... Эм. Он их подкармливал.

Затем повисла новая пауза, еще дольше. И куда более неловкая. Просто ужасное начало разговора о соболезнованиях.

Мужчина снова повернул голову во двор, откуда донесся жалобный кошачий стон, и взялся за перила, словно ища опору. Ей отчаянно хотелось сказать что-нибудь, что угодно, но она понимала, что ему нужна минутная передышка. За последние месяцы ей уж точно потребовалось немало таких передышек. Вот чем хорошо четыре утра, верно? Бедняга.

Ее немного беспокоило, что она никогда его не видела и не слышала о нем от Донни. Но вряд ли это что-то значило. Донни был не слишком разговорчив, ни с кем особо не делился – даже с Джоной, который знал его дольше всех в доме. И работал он до последнего дня: уходил в семь утра и не возвращался до половины шестого вечера. За пределами дома у него была целая жизнь, о которой Нора и не знала. Может, у него была толпа знакомых, просто он их не приглашал.

– А там не было дерева? – прервал мужчину внизу ее размышления.

– Да, – ответила она механически, тут же посмотрев на пустующий участок травы. – Его убрали через пару месяцев после моего переезда сюда в прошлом году.

Она с большой тоской занималась срубом дерева. Это был ее первый поступок как президента жилищной ассоциации и казался таким грозным, роковым, особенно вскоре после смерти Нонны. «Я не хочу, – говорила она всем в страхе, что о ней плохо подумают. – Хотелось бы мне оставить его как есть». Но это дерево сгнило до основания, и, честно сказать, им повезло, что оно само не обрушилось. В конце концов она смотрела, как его убирают: целый день работали пилы, мужчины в грузовиках, а щепки сыпались на землю, как снегопад. Нора не плакала, хотя ей очень хотелось.

– Погоди, – сказала она, осознав, что пропустила самую важную деталь из сказанного им. – Так ты здесь бывал?

– Однажды. В детстве. – Его голос изменился, только Нора не поняла, как именно. Может, это из-за перемены воздуха вокруг: небо светлело, предрассветное полотно стало темным, бархатно-синим. Она хорошо знала это время и поняла: золотой час подходит к концу.

Он прочистил горло:

– Он был моим дядей.

Нора моргнула, ее одолевали шок и облегчение. Так он все-таки был родственником! «Преданность!» – самодовольно воскликнула где-то Нонна, хотя рано еще было судить.

– Мне очень жаль. Соблезную вашей утрате, – сказала Нора.

Мужчина резко опустил голову, как бы соглашаясь или в знак уважения к Донни. Сердце у Норы сочувственно и понимающе сжалось.

«Ужасно, что я так высоко», – подумала она, хотя оказаться внизу было бы странно. Что бы она сделала, обняла его? Без бюстгальтера? Катастрофа. Просто возмутительно. Нонна, само собой, никогда бы так не поступила.

– Я его мало знал, – сказал мужчина, и вот тогда... тогда она услышала. Его голос стал звучать немного сдавленно. Немного рассеянно.

Немного... непереданно.

«Нет, Нора, – сказала она себе, – это все твои беспокойные разговоры в четыре утра. Он, наверное, еще в шоке, как и ты».

Мужчина внизу снова поднял руку к груди и почесал. Затем кашлянул.

– Вам тут нравится?

Нравится ли ей?!

Ну и вопрос. Это место хранит лучшие воспоминания о ее детстве и юности. А теперь она счастливо вверила ему и всю свою жизнь. Она весь день могла рассказывать об этом доме,

отсюда и взялась идея сделать слайд-шоу. Может, самое время спросить об обоях? Хотя логичнее сначала поговорить о людях и...

И снова их разговор прервали: это были резкие короткие гудки, – мужчина похлопал себя по ноге.

– Черт, – сказал он. – Простите. – В секунду его лицо осветилось голубым светом экрана. Свободной рукой он водил по волосам, и она смотрела, замороженная. У него были красивые волосы, о чем она не собиралась сообщать ему вслух.

– Надо бежать, – добавил он. – Похоже, другой золотой час ждет.

– Ясно. – Нора вдруг разволновалась. Она не успела сказать, что была знакома с Донни. Не успела задать столько вопросов: самый главный – что он знает о доме, ну и, конечно, его имя. И не успела ответить на его вопрос, казавшийся важнее всех.

Ей не просто нравилось. Она любила этот дом.

– Постойте, – начала она в порыве сказать одну эту вещь, пока золотой час не закончился.

Однако он ее не услышал. Мужчина уже подходил к двери.

Прежде чем зайти внутрь, он взглянул на нее, бликуя очками.

– Увидимся, – сказал он.

Однако не дождался ответа и на этот раз.

Глава 2

Итак, ответ он знал с самого начала.

Это место не может понравиться.

Во-первых, тут пахло. Не то чтобы ужасно, будем честны, но вряд ли кому-то понравится, если каждый день дома его будет встречать этот запах. Все равно что сунуть голову в плесневелый ящик. Внутри будут лишь пыльные плюшевые зайчики и, может, горстка ржавых монет.

Во-вторых, лампы. Как и любому, кто большую часть своих дней (и даже ночей) проводил под тоскливыми флуоресцентными лампами больницы, Уиллу нравились старые добрые лампы накаливания или же современные светодиоды. Что ему не нравилось, так это бронзовая люстра – и так висевшая довольно низко, еще и со звенящими стеклянными висюльками, – о которую он постоянно бился головой в коридоре, и тоже бронзовые бра, пухлощекие херувимчики, которые как бы наблюдали за ним, пока он шел по коридору.

Кстати, о коридоре: обои. Они были... золотыми или некогда золотыми, а в свете люстры (опасной) и бра (жутких) их оттенок казался не шикарным металлик, а выцветшим горчичным. Примерно каждые двадцать сантиметров текстура менялась, Уилл провел ладонью по обоям и подумал: «Быть не может».

Но так и оказалось. Они бархатные. Полосатые бархатные обои.

Кому такое понравится?

«Быть не может», – снова подумал он, но в этот раз не про обои.

«Быть не может, что это она».

Та девушка на балконе шестнадцать лет назад и женщина, с которой он познакомился утром. Этого... просто не может быть.

Она ведь так сказала, в конце концов, то есть почти что сказала. Она переехала сюда в прошлом году.

Очевиднее и быть не может.

Это не она.

Только... что-то в ней было. В ее голосе, когда она произнесла: «Привет», – в ее смехе, в хвостике, который упал ей на плечо во время их разговора. Что-то было в том, как она выглядела, стоя на балконе, пусть далеко и в кромешной тьме. Что-то было в том, как сердце его подпрыгнуло, словно икнув, когда он ее увидел.

Но нельзя было об этом думать.

– Могу я, эм?..

Мысли его прервал чей-то голос. Уилл опомнился: девушка-бариста вежливо ждала, когда он отдаст ей свою многоразовую кружку для кофе. Она понимающе улыбнулась, привыкшая к персоналу со всех уголков больницы, которые приходят к ней за очередной спасительной дозой, пытаясь прийти в себя после всего, что этой дозы потребовало.

– Да, прости, Джанин, – ответил Уилл, протягивая кружку. – Я буду как всегда и внутренне, если есть, – добавил он, что было плохой шуткой наподобие бытующей в кофейне: «Кто любит погорячее?» – но на большее он был не способен в данных обстоятельствах, а именно: он не спал с трех утра, за четыре часа в больнице он принял двадцать пациентов, а еще из головы у него не выходила девушка на балконе.

Нет, не девушка. Не мог он стоять тут и думать о девушке.

Лучше думать о квартире.

Уилл прошел к концу стойки в ожидании заказа, пытаясь сосредоточиться на важном, по крайней мере, пока ему не поступил очередной вызов.

Так, квартира, хорошо. Ее надо освободить. Чем скорее, тем лучше.

То есть за год.

«Вот же гребаный Донни».

После звонка нотариуса на прошлой неделе он частенько повторял про себя эту фразу. К тому моменту Донни был мертв, судя по всему, уже несколько дней, и Уилл старался принять новости о смерти дяди так, как тот заслуживал: ровно, с отрешенностью человека, который постоянно сталкивается со смертью. В конце концов, он какое отношение имеет к смерти Донни? Никакого, вот что, – вот это он пытался донести до нотариуса.

Но, как выяснилось, когда ты единственный наследник и распорядитель недвижимостью так называемого дяди, отношение имеешь самое непосредственное. А поскольку эта недвижимость еще и связана с жалким, пассивно-агрессивным, связывающим по рукам и ногам завещанием и последней волей человека, отношение к ней иметь придется еще долго.

Год до того, когда он сможет продать квартиру. Год зловонных коридоров, злополучных бра и горчичных обоев.

«Год с девушкой на балконе», – подумал Уилл и тут же сжал челюсти.

«Уилл, сосредоточься!»

– Ваш кофе, доктор Стерлинг, – сказала Джанин, спасая его от самого себя.

В любой другой день он бы ее поправил. «Можете звать меня Уилл», – сказал бы он, как всегда, потому что и через шесть лет после окончания меда ему не сильно нравилось, когда его называли доктором за пределами больницы, а порой и в ней, – когда он думал, что это важно, когда думал, что пациенту так лучше, он представлялся только своим именем.

Но сегодня... Сегодня он лишь улыбнулся и поблагодарил ее. Сегодня он бы весь день слушал «доктор Стерлинг» в свой адрес, если это поможет собраться с мыслями, если поможет держать необходимую дистанцию – между мужчиной, каким он был здесь, в кафетерии больницы, и мальчиком, которым чувствовал себя сегодня утром. Сначала – когда вошел в загроможденную, затхлую квартиру, где не был шестнадцать лет.

А затем – когда вышел в темный прохладный воздух на балкон и увидел, что сверху на него смотрит девушка.

Он по-настоящему нервничал.

– Вот же гребаный Донни, – пробурчал он себе под нос.

– Кто такой Донни? – послышалось сзади, и Уилл на миг прикрыл глаза.

Ну конечно. Конечно же, это был самый нервирующий человек на всю больницу.

– Доброе утро, доктор Авраам, – сказал он, чуток ненавидя себя за пониженный голос. Он и так говорил почти басом, но в разговорах с Джеральдом Авраамом звучал и вовсе как на прослушивании на роль Дарта Вейдера. Никогда в жизни он так не жаждал срочного вызова, как сейчас, но если пейджер не зазвонит, он совершенно точно и прочно застрял. Доктор Авраам был его непосредственным начальником в отделении неотложной помощи, а если бы и не был, все в больнице знали то, что Уилл узнал за восемь месяцев с окончания ординатуры и начала работы здесь: просто так уйти от этого человека невозможно, особенно если он начал тебя расспрашивать. Это был пятидесятишестилетний мужчина с ростом 167 сантиметров, гробовой серьезностью и без какого-либо чувства юмора.

– Так что это за Донни, о котором вы говорили?

Уилл повернулся и опустил взгляд на начальника, но мужчина вел себя как и всегда при их встрече где-либо: не смотрел на него в ответ. Кроме тех случаев, когда он стоял, а Уилл сидел, зрительный контакт был исключен, но Уилл научился не принимать это близко к сердцу. Прямо сейчас доктор Авраам глаз не сводил с кофейного прилавка, однако Уилл-то знал, в чем дело.

Он ждал ответа.

– Да так, не важно, – сделал попытку Уилл.

– Я очень надеюсь, речь идет не о пациенте.

– Совершенно нет.

Не моргая, Уилл глотнул обжигающего кофе. Вдобавок к голосу Дарта Вейдера он ненавидел и свою склонность нелепо подражать формальному тону доктора Авраама. «Недавно скончавшийся родственник», – сказал ему зараженный Авраамом мозг, и только в раздражении на собственный внутренний голос он вдруг выдал:

– Мой умерший дядя.

Старик уже почти повернул голову. Но потом побряхтел и качнулся назад на пятках в своей обычной манере. Если он делал так, находясь неподалеку, пока Уилл раздавал указания медперсоналу или устанавливал диагноз, значит, был чем-то недоволен и позже скажет, что это «неординарный выбор» или «отклонение от нашей практики».

Уилл ждал.

– Полагаю, он совершил нечто до или после момента смерти, чем заслужил такое обращение?

«С чего бы начать?» – подумал Уилл. Но сделал только новый глоток и ответил:

– Оставил мне свою квартиру.

И все вещи в ней тоже. Насколько он знал, там все еще стояло коричневое кресло. И пахло так же, отчего на него нахлынули воспоминания того жуткого дня. Он и на балконе оказался, пытаюсь просто уйти куда-то. Но встретил там...

– Необычный повод для проклятий, – сказал Авраам. Джанин подала ему стакан с кофе через прилавок. По виду она тоже нервничала, и Уилл понимающе улыбнулся ей, когда доктор Авраам шагнул к прилавку, кивнув в знак благодарности. Авраам был не просто всезнайкой, он еще и вежливостью не отличался, что подтвердилось, когда он развернулся и направился к выходу, как бы намекая, чтобы Уилл следовал за ним.

Что Уилл и сделал, ведь старик писал отчеты о его работе.

– Квартира где-то здесь? – спросил Авраам, когда Уилл поравнялся с его шагом.

Он снова стиснул челюсть, скрипя зубами; ему тут же захотелось прекратить этот разговор. В этом и проблема. С самого звонка нотариуса он понимал, что должен разобраться с этим, с наследством Донни: заняться документами, утвердить в суде и прочее, – но вместо этого загрузил себя делами, не сидел на месте. Он задерживался в больнице, брал дополнительные смены дежурного врача в другой клинике, где иногда работал в свои выходные, пытаясь вытеснить из головы шум мыслей о Донни и его квартире. Ночью, когда он не мог уснуть и лежа считал часы до будильника, Уилл решил: хватит руминаций и нелепых попыток избежать проблемы. Он молниеносно принял душ, накинул больничную форму и поехал по адресу, указанному в документах, на которые пялился целую неделю.

Он был настроен на практичное решение. Ответственное.

А затем поддался отчаянному порыву выйти на балкон, подальше от вещей Донни. И теперь из-за этого порыва он думал лишь о девушке, чьего имени даже не знал, вместо решения насущной проблемы. А теперь еще и хотел прекратить разговор?

Да он вел себя как ребенок!

– На севере, – ответил он решительно. – Рядом с Логан-сквер.

– Это значительно увеличит расстояние до работы, но...

– Я не могу там жить, – ответил Уилл, резче, чем рассчитывал. Он вспомнил горчичные обои, жуткие светильники – наверное, кишасшие призраками – в коридоре и беспорядок, который оставил Донни. – Надо от нее избавиться.

– У меня сестра – риелтор, – сказал Авраам, совершенно нетронутый тоном Уилла. Возможно, потому, что сам на девяносто три процента выражался не менее резко. Однажды Уилл стал свидетелем того, как доктор Авраам сказал плачущему двенадцатилетнему мальчику с сотрясением, что футбол – «спорт для идиотов».

– Согласно завещанию, я не могу продать ее раньше чем через год.

Авраам склонил голову и нахмурился.

– Ну и ну. А это законно? Знаете, у меня брат – юрист.

Сколько же у него удобно устроившихся родственников? Уилл подумал, что лучше не говорить о своей бессоннице, иначе услышит о какой-нибудь сестре-сомнологе. И точно уж не стоит упоминать, что девушка, с которой он сегодня в половине пятого утра разговаривал, на мгновение показалась ему той, что кидалась в него помидорами шестнадцать лет назад.

Тут бы понадобилась сестра-психиатр.

– Я говорил с адвокатом. Он сказал, что завещание можно оспорить до утверждения судом, но это только растянет процесс.

«Ставлю сотню долларов, что в итоге ты оставишь себе квартиру на этот год, – заявил юрист, пылко и искренне. – Донни ее обожал». Уилл был убежден, что это неправда, хотя на тот момент и квартиры не видел.

Это неправда, потому что, по мнению Уилла, Донни никого не любил.

Он вспомнил бродячих котов, и его кольнула злость. Как оскорбительно.

Они свернули в длинный коридор, который вел к отделению неотложной помощи, и Уилл по привычке прибавил скорость. В этом и была вся неотложка, затягивала, словно скоростная воронка, даже когда событий там было немного. По мере приближения ты ускоряешься сам, а внимание притягивается к первому возникшему вопросу. Уиллу это всегда нравилось.

Но тут доктор Авраам остановился.

Уилл остановился тоже. Они все еще были на ногах, так что никакого зрительного контакта. Просто стояли, уставившись на двойные двери, словно собрались штурмовать замок.

– Моя бывшая жена, – начал доктор Авраам, и Уилл почти, почти засмеялся. Господи, еще одна родственница. Для Уилла подобное было почти непостижимо.

– У нее три квартиры в городе.

Уилл удивленно поднял брови. Должно быть, неплохо. Еще несколько дней назад у него не было ни одной квартиры в собственности, и он не планировал ею обзаводиться, пока не выплатит еще хоть какую-то долю необъятного студенческого займа. До того как он узнал о годовом условии в завещании, лучшим в наследстве Донни было то, что продажа квартиры значительно уменьшит его ежемесячный счет от правительства. Это, конечно, случится, но не скоро.

– Все сдает в краткосрочную аренду. Довольно прибыльно.

Уилл посмотрел на доктора краем глаза, в этой фразе было меньше педантизма, чем обычно. Мужчина поглаживал отворот халата, и на секунду – даже не секунду и не половину секунды – он заколебался.

«Ну и ну», – подумал Уилл, вторя Аврааму. Он глотнул кофе, думая, не приготовила ли Джанин случайно без кофеина.

– Это... – начал было он, проглотив, но Авраам явно не предполагал диалога, поскольку не дал Уиллу продолжить.

– Она работает через какой-то сайт. Видимо, когда все устроишь, квартиры сами себя окупают. Там почти ничего не нужно делать. Она много путешествует.

Он снова погладил отворот халата. Авраам был единственным в неотложной помощи, кто регулярно носил белый халат, и до настоящего момента Уилл смеялся, что это патологическая настойчивость на так называемой профессиональной презентабельности. Однако и нервный тик давал о себе знать, это беспрестанное поглаживание лацканов.

Краткосрочная аренда – это хорошая мысль. Он снимал такие квартиры, когда учился на четвертом курсе меда, примерно на месяц каждую, пока проходил интернатуру в разных местах. Но то жилье всегда было свободным от хлама, чистым, мебель была обычной, незамысловатой, в коридорах на этажах не было никаких свисающих люстр, бра с херувимами и бархатных обоев.

Он снова вспомнил девушку на балконе, и сердце в очередной раз упрямо екнуло.

– Я ей позвоню, – сказал Авраам.

Уилл моргнул в недоумении.

– Что, кому?

Авраам нарушил свой запрет на зрительный контакт и поднял раздраженный взгляд на Уилла.

– Бывшей жене, – отрезал он.

– Ясно, – ответил Уилл, чувствуя, как краснеет шея сзади. – Прошу прощения.

«Прошу прощения», – блин. Он поправил очки. Краткосрочная аренда – это и правда хорошая мысль. Может, самая правильная. От нее уж точно больше пользы, чем от бессонницы или размышлений о десятиминутном разговоре с девушкой, с которой он почувствовал себя подростком.

– Ничего не случится, если я просто позвоню, – сказал Авраам. Он включил свой «профессионально-презентабельный» тон, намекая, что Уилл слишком долго отвечал.

– Конечно, – сказал он наконец. – Ничего не случится.

Звонок был только началом беды.

После смены Уилл сидел в кафетерии напротив миниатюрной, ярко одетой женщины, которая представилась как «Салли уже не Авраам». А вместо рукопожатий при встрече она предпочитала объятия. Она всего день назад вернулась с двухнедельного отдыха на Карибах, и, хотя Уилл во время первого звонка – на протяжении которого Авраам стоял настораживающе близко – убеждал ее, что ничего срочного в вопросе нет, она настояла на личной встрече.

– Время – деньги! – воскликнула она, заверив Уилла, что больше всего любит обсуждать бизнес.

И, судя по ходу встречи, это была... совершенная правда.

Она не остановилась на достигнутом.

Все три квартиры Салли находились в Уикер-парке: цокольные апартаменты в Норт-Элк-Гроув, в тихом, но близком к магазинчикам Милуоки районе; одна квартира на Уэст ЛеМойн, «проблемная» из-за частых неполадок с кондиционером и лифтом в здании; и, наконец, ее жемчужина – лофт на Вестерн-авеню с бесплатной парковкой и посуточной оплатой, которая летом взлетала до небес. Фотографии каждой были у нее на планшете, открыты на сайте для показа Уиллу, и просмотр их сопровождали комментарии, которые можно назвать не иначе как «щепетильные». Теперь Уилл знал, откуда у нее каждый тщательно отобранный ковер. А также был в курсе мыслительного процесса Салли при выборе места для каждого из них. Ему, наверное, и не надо было разбираться в расположении ковров, но за детали он был благодарен. Он уже был вовлечен в эту идею, вдохновился ею.

Но в его уме все еще теснились сомнения, и они усилились, когда Салли передала ему планшет, демонстрируя впечатляющий список положительных отзывов на каждую квартиру, даже с проблемным кондиционером. Прокручивая парад восклицаний («ПОТРЯСАЮЩЕ!», «ЧАРУЮЩЕ!», «В ПАРЕ ШАГОВ ОТ ГОЛУБОЙ ВЕТКИ!»), Уилл почувствовал вину за то, какая гигантская, непреодолимая разница лежала между квартирой Донни и теми апартаментами, что Салли так гордо ему показывала.

Он чувствовал себя так, словно должен сообщить пациенту плохие новости.

Он положил планшет, прокашлялся.

– Дело в том, – начал он, пока Салли пролистывала принесенную с собой неоноворозовую папку на трех кольцах. – ...что у меня квартира... не настолько хорошо выглядит, как вы показываете. Там требуется много работы.

Салли махнула рукой, а другой потянулась за планшетом.

– Это легко. У меня уйма лояльных ко мне подрядчиков. Я еще буду на солнышке греться, а у тебя уже все готово будет!

Он поерзал на стуле, ощущение адресанта плохих новостей только усилилось.

– Я этого не планировал, – сказал он нарочито непринужденно. Он не мог винить женщину, которая считает, будто ему не составит труда нанять ремонтную бригаду. Многие думают, что доктора подтираются купюрами. Некоторые – возможно, думал Уилл. Ему до такой жизни было до смешного далеко. – Хотелось бы обойтись без больших затрат для начала.

Салли посмотрела на него полным уверенности и решительности взглядом. Уилл подумал, что подрядчики у нее не только лояльные, но и напуганные. Ему почти хотелось, чтобы на встрече присутствовал и доктор Авраам. Было бы неплохо увидеть хоть раз, как его ставят на место.

– У вас есть время? Потому что время почти так же хорошо, как и деньги, когда дело заходит о таких вещах. Я имею в виду мои квартиры. – Она указала пальцем на экран планшета. – Сейчас они выглядят отлично, но так было не всегда.

Она повернула планшет и показала фото из личного архива: заставленная гостиная, как показалось Уиллу, квартиры в Норт-Элк-Гроув. Она выглядела темной и заброшенной, с ветхой мебелью и запятнанными стенами. То есть... похожей на квартиру Донни.

Салли перелистнула фото, показала ту же комнату со свежеекрашенными стенами, светлой мебелью и после перестановки.

– Светлые стены и прочные чехлы многое изменили. Через какое-то время доход был достаточный, чтобы сделать квартиры еще лучше, но в самом начале усилия приложить пришлось.

– Впечатляюще, – сказал Уилл, рассматривая фото и пытаясь представить те немалые усилия, которые эта женщина, вероятно, приложила. Он даже не знал, что за чехлы она имеет в виду. Ну, к тяжелой работе ему не привыкать. Это означало, что он трудоголик, а значит, скопил достаточно неистраченных отпусков. Наверное, он мог взять целых две недели. Может, к концу отдыха Салли и не закончит, но все же. Мог бы это сделать.

Он потянулся к планшету, перелистнул фото назад, затем вперед. Ему нравилось видеть эту разницу. Он точно не грезил о двух неделях жизни в квартире Донни, копании в его вещах, но мысль обо всем этом – чистке, обработке антисептиком, ощущении нового начала – ему даже нравилась. Две недели на то, чтобы убрать из этой квартиры все, с глаз долой – из сердца вон. Две недели – и деньги будут у него в кармане, а отсчет до истечения нелепого условия начнется. Две недели – и имя Донни станет для него пустым звуком.

Две недели пережить легче, чем целый год.

– Что насчет регистрации? – спросил он, уже серьезнее. Уилл немного изучил вопрос, когда выдались свободные минуты. Салли пользовалась сайтом, созданным жителями самого Чикаго и потому пользовавшимся лучшей репутацией, чем огромные международные сайты по краткосрочной аренде, которые нарушали почти все жилищные нормы и правила в городе. Хотя Уилл посмотрел несколько статей на Trib, где говорилось, что попыток отнять у тех сайтов лицензию вряд ли будет мало.

– Я тут тоже в теме, – сказала Салли, пожимая плечами. – Если жилищная ассоциация еще не в списке зданий, запрещенных к сдаче квартир под аренду, то после вашей заявки на регистрацию уже туда не попадет.

Она постучала по подбородку, нахмурившись.

– Вы сказали, вашей квартире нужен основательный ремонт, но как насчет всего здания? Его ремонтировали?

Уилл прыснул, вспомнив обои.

– Боже, нет.

Лишь сказав это, он ощутил странное чувство вины. Как будто за ним следили разумные настенные бра с херувимами.

Или девушка с балкона на третьем этаже.

Он с досадой поерзал на стуле. Последние часы у него так хорошо получалось выкинуть ее из головы и сосредоточиться на этой катастрофе. У него не было ни времени, ни желания на отвлекающие факторы. И не было времени быть таким, как этим утром. Он должен был вести себя ответственно. Сконцентрироваться.

– Это неплохо. С юридической точки зрения, – сказала Салли. – Если зданием никто не занимается, то и его документами, наверное, тоже.

– Я бы не сказал, что им не занимаются, – ответил он, толком не зная. Он понятия не имел об этих документах; они находились в стопке вместе с остальными, которые он взял из офиса нотариуса. И все равно он чувствовал эту вину.

Не обратив на это внимания, Салли взяла планшет.

– А какой адрес?

Он ответил не думая и нахмурил бровь, увидев, что она тыкает по экрану.

– Что вы там смотрите?

– Смотрю, не зарегистрирован ли кто как индивидуальный предприниматель в этом здании. Если такие есть, то вы точно не станете там первым арендодателем.

– И вы можете это проверить?

– Веб-сайт Cook County, – сказала она, тык-тык-тыкая. И нахмурилась. – Хм-м.

Прозвучало это не очень.

– Все квартиры в частной собственности. Досадно, но это не самое худшее. Моя квартира на Вестерн выглядела примерно так же, когда я купила ее. Похоже, вам придется провести небольшую кампанию.

«Кампанию». Он представил, как стоит на пустом дворе без деревьев и смотрит на балкон на третьем этаже. Сердце стучит, в ладонях погрызенные помидоры.

Но это было глупо, ведь он уже не ребенок.

К тому же. Это. Была. Не. Она.

– Вы уже говорили с кем-то в доме? – спросила Салли.

Он кашлянул.

– Э, немного. Я общался с женщиной с третьего этажа сегодня утром. – «В золотой час», – бесполезно вставил внутренний голос.

– Постойте, не надо, – сказал Уилл, увидев, что Салли снова печатает. Искать ИП было одним. Но выискивать подробности жизни людей в доме было неправильно, особенно девушки на балконе. – Вам не обязательно...

– Элеанора ДиАнжело Кларк, – произнесла Салли, не дав ему закончить.

Сердце Уилла екнуло, руки дрогнули. Но в области сердца он тереть не станет.

Имя было красивым. Элеанора.

Салли не обратила внимания, но это к лучшему. Да и какое значение имело ее имя?

– То есть предположительно. Другой житель третьего этажа – мужчина по имени Джона. Так что Элеанора, видимо, та девушка.

Будь проклято это еканье. В медицине против него так и не появилось средства, хотя у него и был совсем другой случай.

– В любом случае, – сказала Салли, – Джеральд сообщил мне – неохотно, честно говоря, но вы ведь его знаете, – что все здесь вами очарованы. Вы сможете пустить в дело этот докторский шарм! Улыбка и умение убеждать, пока прибираетесь, – и у вас все готово!

Уилл покряхтел и выпрямился на стуле. Верно. По сути, две недели. Это было ему по силам. И все были им очарованы! Взять хоть бы его кофейные шутки или как его всегда звали утешить плачущего ребенка. Или взрослого... Это ему по силам. Собрать волю в кулак, при-

вести квартиру в порядок, достать денег, выкинуть Донни из головы. Девушка с балкона тут ни при чем.

Просто надо сконцентрироваться.

Салли захлопнула чехол планшета и улыбнулась ему так, будто они только что совершили сделку.

– Будь я вами, – произнесла она радостно, – я бы начала с Элеаноры.

Глава 3

– Он назвал тебя мисс Кларк!

Нора поджала губы и стала молить о выдержке, пока в толпе распространялись недовольные шепотки. Это собрание жильцов проходило совсем не гладко.

Уже второе подряд. Нора не то чтобы считала, да и предыдущее было, по сути, коллективным скорбным плачем по Донни, но это о чем-то говорило. Этим утром – собравшись впопыхах – соседи Норы на вид были столь же потрясены и ошеломлены, как и в прошлый раз. Привычные дела: отчеты о жилищном обслуживании, бюджет, график мероприятий – все это перенеслось на будущее.

Все из-за молодого человека на балконе и его отвратительного письма.

Его письма!

– Мэриан, – сказала Нора, стараясь не выдавать голосом своего возмущения. – Может, вернешь мне пока что письмо?

– Мисс! – ответила Мэриан, подчеркивая слово, восклицая – Ми-и-и-исс! – и точно еще не собираясь возвращать письмо Норе. Женщина смотрела на него сквозь очки, словно пытаясь воспламенить его взглядом. – Даю балл за отсутствие предубеждений в отношении тебя, Нора, но вообще все это не по-соседски!

– Верно, – сказала Нора, стоя у стиральных машин и протягивая руку за письмом. – Если бы только...

– Чужие, – произнесла тихо Эмили, трясая головой. – Здесь.

– Не понимаю, как это должно работать, – вмешался Джона, скрестивший руки поверх тощей груди. – Люди въезжают и выезжают. Это типа отеля?

– Ага, – ответил Бенни, тоже скрестив руки. Они с Джоной всегда сидели вместе; Бенни, будучи чуть младше и тише, уже давно пребывал в неизменном восхищении от громких заявлений восьмидесятилетнего Джоны.

– Типа отеля! – ужаснулась Эмили, Мэриан мягко похлопала жену по руке в знак поддержки. Однако сейчас ее внимание было разделено между утешением и возмущением, поскольку она все еще смотрела на письмо.

– Он уже подал заявку на регистрацию! – возопила она обиженно, и Нора с точностью поняла, что та чувствовала.

Мужчина с той утренней встречи, в конце концов, ничего не понимал про этот дом.

Все дни после их встречи Нора проводила золотой час у себя на балконе, слушая его движения внизу. Сначала она убедила себя, что ждала лишь возможности закончить разговор, рассказать, почему он обязательно влюбится в этот дом так же, как она. Но правда в том, что она в тишине предрассветных сумерек ждала не только этого – она ждала его нежной улыбки, его шепота.

Она была убеждена, что он вернется.

Но его не было.

Он лишь прислал письмо.

Она сделала шаг вперед, движимая новой волной возмущения от такого предательства, и потянула письмо из рук Мэриан, надеясь, что оно утратило часть своих сил с тех пор, как она открыла его прошлым вечером. Тогда, стоя у кухонного стола, Нора осознала – словно в голове завывала сирена, – что пока она (наверняка от дефицита в окружении мужчин ее возраста) поддавалась какому-то балконному гипнозу, очаровавший ее парень строил свой коварный план. Заявка на регистрацию была понятна, но ведь он задумал еще и какие-то, как он написал, «небольшие улучшения», которые «не сильно потревожат» других «квартирантов» (квартирантов! У Норы чуть мозг не вскипел). Он *планировал* начать с понедельника. *Планировал*, что

это не займет больше двух недель. *Планировал*, что помещение (помещение! Возмутительно) будет готово к сдаче в краткосрочную аренду уже в начале июня.

А она пока что спланировала только это экстренное собрание.

Нора прокашлялась.

– Я сделала распечатки с сайта, которым он собирается пользоваться, – объявила она, потянувшись к стопке бумаг на стиральной машине. Не самое духоподъемное решение использовать стиральную машину в качестве кафедры, но ситуация экстренная. – Как вы видите, минимальный срок аренды у них три дня, а максимальный – полтора месяца.

В этот момент Нора уловила, как постепенно побледнела Эмили, сжимая только что полученный листок. Эмили всегда была очень восприимчивой, склонной к переживаниям, но после небольшого инфаркта пару лет назад – он и стал причиной ее преждевременного ухода на пенсию – все обострилось, и это даже до смертей Нонны и Донни. Дважды в неделю Нора покидала рабочий стол, чтобы пообедать с Эмили; эту обязанность они чередовали с мистером и миссис Салас. Она считала, что Эмили надо обратиться к психотерапевту, но пока что все ненавязчивые советы Нору воспринимались в штыки.

– Три дня – это плохо, – сказал мистер Салас. – Это те, кто приезжает на выходные. Напакостят и уедут, а я сомневаюсь, что парень будет ухаживать за квартирой, будто это хороший отель.

Эмили передернуло, и Нора внутренне поморщилась оттого, что мистер Салас все усугубил, но он ведь был прав. Нора видела адрес отправителя на конверте. Уилл Стерлинг (и снова предательство: фамилия была не Пастернак! Зато у него было имя врача из сериала «Главная больница», что Нора нашла крайне оскорбительным) жил довольно далеко, в южной части города, и регулярные поездки сюда доставляли бы много хлопот, особенно учитывая его режим работы. Он мог или забросить квартиру, или нанять кого-то для поддержания порядка, а это значит больше людей, больше суеты.

Суета не в правилах этого дома. Или не была в них до недавнего времени.

– Нора, мы можем этому помешать? – спросила миссис Салас. – Изменить устав?

Нора, словно пристыженная, сглотнула. Если бы она лучше старалась, то изучила бы жилищный устав сразу после смерти Нонны. Она бы внимательнее отнеслась к тому, что, по сути, его не обновляли с тех пор, как Нонна попыталась перевести здание в кондоминиум. Она бы сделала всю необходимую уборку и ремонт, пока Донни был жив, чтобы не возникло таких ситуаций, как сейчас.

Но она не постаралась, в этом уж точно. Она разбиралась с переездом и работой, с документами на квартиру Нонны. Она скорбела.

Нора прочистила горло.

– Нет, не можем. Когда вы им занимались, то поставили условие, что любое решение, касающееся здания, должно приниматься единогласно всеми жильцами, без исключения.

Нора всегда любила это в истории дома – обещание, данное жильцами друг другу много лет назад, официальная печать, подтверждающая, что они стали друг другу семьей. А теперь – пока Уилл Стерлинг строит где-то там свои планы – Норе пришлось признать, что все это было, как сказала бы Нонна, очень некстати!

– И поэтому теперь нам нужен племянник Донни, – сказала миссис Салас, качая головой.

На несколько мгновений все затихли, и сердце Нору сжалось. Они были в шоке от случившегося: у Донни все это время был кто-то, о ком он ни разу никому из них не сказал. И это само по себе было похоже на предательство.

– Ужасный поступок с его стороны, – произнес Джона сурово, и Нора не сразу поняла, что он вовсе не о своем усопшем друге, – превратить эту квартиру в номер отеля.

Эмили всхлипнула, и Мэриан снова мягко похлопала ее по руке.

Миссис Салас спросила:

– Как он может так поступить с Донни?

Все затихли, в этот раз больше с грустью, нежели в удивлении, и Нору вдруг охватило желание заступиться за своих соседей, за Нонну и Донни. Если Уилл Стерлинг появится здесь еще на одно утро (Он сказал: «Увидимся!»), вот что она должна сказать ему. И вот за это она любила этот дом – за то, как люди, не связанные кровным родством, заботились друг о друге, словно семья.

Она уловила какую-то перемену, все разом подняли на нее взгляд, будто внезапно всерьез отнеслись к вопросу миссис Салас. И что это значило? Теперь было не важно, как именно предал ее Уилл Стерлинг, ради Нонны и всех соседей Нора обязана была пресечь его планы по сдаче квартиры в аренду. В конце концов, никто и глазом не моргнул, когда Нонна попросила Нору сменить ее. Никто не усомнился, потому что они доверяли Нонне и верили, очень верили в Нору.

Она выпрямилась, ободренная этой их верой.

Она со всем справится. Она обязана.

– Он не поступит так с Донни, – твердо произнесла она. – Я не позволю.

И тут она осознала, что на самом-то деле все смотрели не на нее.

– Здравствуйте, – сказал кто-то сзади.

Голос она узнала сразу.

Это было другое «здравствуйте», не мягкий осторожный вопрос с балкона Уилла – нет, Донни; она из принципа будет считать это балконом Донни. Это «здравствуйте» он произнес во весь голос, уверенно. Даже не обернувшись, она поняла: он улыбается. Или усмехается. Это «здравствуйте» говорило, что он стоял прямо там в тот момент, когда она необычайно уверенно заявила о его будущем в этом доме.

От этого «здравствуйте» она в ужасе обернулась.

На долю секунды, смущенная и ошеломленная, она приняла ту же позу, как когда уронила растение: замерла, как статуя, зажмурив глаза и задержав дыхание. Все настолько походило на то утро несколько дней назад, что ей пришлось напомнить себе, в чем разница: в прачечной пахло пылью, в руке она держала письмо, Бенни многозначительно, хотя и запоздало кашлянул, а еще она была полностью одета.

Она открыла глаза и повернулась к нему.

И... так.

Итак!

Он был выше и стройнее, чем казалось раньше, – ракурс, с которого она смотрела на него в первый раз, искажал пропорции. Лицом к лицу казалось, будто он заслонял собой весь коридор. Рельеф груди отчетливее виднелся под футболкой с длинными закатанными рукавами, и ни одной из рук он не схватился за неиспуганное сердце. Он держал их в карманах широких потускневших джинсов, все в положении его тела выдавало, что ему привычно и комфортно.

Нора решила, что он и правда усмехался, усмешка подходила его позе и ужасно хорошо выглядела на его все еще красивом лице: встрепанные, будто ветром, волосы, густые, темно-каштановые, дополняли темные брови и ресницы, за которые ей бы пришлось отдать минимум полторы сотни баксов в Sephora, потому что мир несправедлив к женщинам. Может, она бы заметила еще и цвет его глаз, но была слишком озабочена очередным предательством этой трансформации между балконом и прачечной.

На нем не было очков.

Очки очень ей понравились.

– Ты, – сказала она, не подумав, и лицо загорелось от того, как это прозвучало в ее же ушах: единственный слог выражал не столько презрение, сколько нанесенную боль и пронзительное разочарование. Письмо в руках тяжелело, казалось безразмерным.

Он не ответил, только усмешка поколебалась, Нора и сообразить ничего не успела, как он обошел ее, вытянув руку, на лице его появилась широкая, обезоруживающая, совершенно очаровательная улыбка, и она почти застонала, поняв: он точно знал, кому улыбаться, чтобы разрядить обстановку.

– Привет, – сказал он миссис Салас, протягивая руку. – Я Уилл Стерлинг.

– О боже, – ответила она, пожимая ее. Она обожала сериал «Главная больница».

– Вы, должно быть, слышали обо мне, – сказал он, стыдливо улыбаясь. Он как бы устремил всего себя к женщине: ссутулился, что, видимо, было для него естественно, его врачевная участливость напомнила ей о сиделках, которые ухаживали за Нонной в ее последние дни.

Когда он двинулся в сторону мистера Саласа, его поза одновременно осталась такой же и чуть изменилась; он сказал:

– Здравствуйте, я Уилл, – и так поднял брови на крепкое рукопожатие мистера Саласа, что тот и сам мог бы воскликнуть: «О боже!» – польщенный реакцией Уилла.

Норе пришлось сдерживаться, чтобы не закатить глаза.

Он направился к Мэриан с Эмили, и к Норе наконец вернулся голос.

– Я достаточно вас представила, передав содержание письма, – заявила она ледяным тоном, и ее голос прозвенел на весь подвал. Соседи как будто разом вспомнили себя и ее, очнувшись от чар новоприбывшего.

Уилл выпрямился, почувствовав этот холод, а когда посмотрел на Нору, улыбка сошла с его лица. В тесноте помещения если бы он сделал лишь шаг назад от выстроенных полукругом стульев, то оказался бы рядом с ней, будто они напарники по дурацкому школьному проекту, где надо вставать перед всем классом и делать вид, что ты не страдал, делая все сам, пока другой расслаблялся.

Нора прокашлялась, решив продемонстрировать – хотя это была совершенная ложь, – что она была готова спорить.

– Мы...

– Я не хочу причинять никому из вас неудобства, – тут же встрял он, и когда она метнула в него гневный взгляд, он поднял руки – мягко, почтительно и до смешного серьезно сдаваясь. – На самом деле мне даже повезло, что я нашел всех вас сразу, потому что я бы хотел...

– Хотел объяснить, что нашел лазейку в документах и хочешь этим воспользоваться? – отрезала Нора, поднимая письмо.

Мэриан издала негромкий «хм-м!», словно Нора забила очко. В другой ситуации она была бы рада такой поддержке, но, когда Уилл к ней повернулся – с поднятыми как бы в удивлении бровями, но в совершенно спокойной позе, – возникло ощущение, будто он выигрывает. Он знал, что может подловить ее на словах о документах.

– Не вижу здесь никакой лазейки, – сказал он, пожимая плечами. – Жилищный устав не запрещает владельцам сдавать квартиры в краткосрочную аренду. А я владелец.

Если бы он не бесил ее так сильно, она бы подмигнула. У, парень, ты пришел к нам в дом и ведешь себя так, словно Донни вообще не существовал.

– Послушайте, – сказал Джона. Тон у него был приказной, хотя весу в нем было не больше шестидесяти килограммов и указывал он на Уилла шишковатыми, пораженными артритом пальцами, так что эффект был несколько смазан. – Не думаю, что вам стоит общаться с ней в таком тоне. Она здесь главная.

– Да, сэр, – ответил Уилл. – Я в курсе, что она президент вашей ассоциации, поэтому и написал ей первой. Но, понимая, что все вы прожили здесь настолько дольше...

– Вы о чем вообще говорите? – почти закричала Мэриан. – Нора с нами уже двадцать лет!

Даже не взглянув, Нора ощутила, что Уилл повернулся к ней. От его взгляда у нее весь правый бок обдало жаром.

На несколько секунд все затихли и ждали, пока Уилл ответит. С Мэриан Гуднайт разговор такой: если она задает вопрос, ты отвечаешь, и быстро. Все это знали.

Все, кроме Уилла Стерлинга.

– Я думал, вы сказали, что переехали в прошлом году, – сказал он с пылающего правого бока Норы.

– В прошлом году! – воскликнул Джона. – Да она жила здесь с пеленок!

– Она не жила здесь с пеленок, – поправила миссис Салас. – Ты путаешь с Бенни.

Джона почесал лоб, посмотрел на Бенни, который и в самом деле провел в этом доме добрую часть детства. Лет сорок назад.

– Она появилась тут, когда ей было девять, помнишь, Джона? – спросил мистер Салас. – У нее была стрижка под горшок.

Джона нахмурил тонкие седые брови, а затем, хлопнув по колену, рассмеялся.

– Точно! Я тогда все лето звал ее Ринго.

Бенни рядом с ним фыркнул.

– Хорошо, что ты отрастила волосы.

Теперь правый и левый – словом, оба – бока горели от смущения. Не коснуться своего хвоста, чтобы убедиться в его наличии, казалось гераклическим усилием. Прямо сейчас ей было столь же неловко, как и в девять лет, когда она стояла у этого дома с родителями на горячем асфальте с новым чемоданом и ужасной тревогой.

– Вы жили здесь с девяти лет? – спросил Уилл, не как в золотой час, но все же мягче и тише. Она посмотрела на него.

Карие глаза. У него были карие глаза, на оттенок или два светлее волос и бровей. Они так сфокусировались на ней, что разглядеть оттенок было легко.

– Эм-м. Это сложно.

– Сложно, – повторил он. Ее ошеломили его взгляд и томный голос, так что на секунду она даже забыла о своей публике. И даже о том, зачем они тут собрались.

Но тут Джона закричал:

– Что они говорят?

Она снова посмотрела на своих соседей.

– Ничего. Это не важно.

Краем глаза Нора уловила движение Уилла, но не повернулась, чтобы рассмотреть, что он делает. «Он уходит», – подумала она, стараясь испытать от этого облегчение. Коли на то пошло, она по крайней мере остановила каток его шарма до того, как он тронулся. Сейчас он уйдет, а она продолжит думать, как все решить.

Она ждала, глядя вперед, что он хотя бы вскользь попрощается с ними.

Но нет.

– Мисс Кларк, – обратился к ней Уилл, прямо как в своем кошмарном письме. – Мы можем поговорить снаружи?

Он не стал ее ждать.

Нет, он вышел из подвала, словно палку проглотил, что было совсем не похоже на ту расслабленную, очаровательную манеру, с которой Уилл здесь появился. Когда Нора, со вспотевшими ладонями, поднималась по затхло пахнущей подсобной лестнице, она почти надеялась, что он уже ушел.

Несколько минут ушло на то, чтобы не обращать внимания на какофонические последствия его появления в подвале: соседи разразились критикой Уилла Стерлинга («Хам!» – мнение Мэриан, с которым согласились Джона и Бенни; «Какой-то угрюмый», – предложил мистер Салас, ему возразила более приветливая миссис Салас, сказав: «Наверное, он просто нервничал!»; и наконец, «Очень высокий!» – высказалась Эмили, и, видимо, это был не комплимент). Затем все разом начали высказывать советы и напоминать Норе о личных причинах неприязни к краткосрочной аренде. Выходя с лестницы во двор, она слышала требования и увещевания:

«Нора, ты должна ему объяснить...»

«Ему надо знать, что...»

«Ему придется понять, что...»

Она открыла дверь и вышла в ясный теплый день, а Уилл стоял и ждал ее. По центру двора, скрестив руки на груди, уставившись вниз на черный кованый железный стол, бывший общей собственностью всех соседей.

Он едва ли заметил, как она подошла, и даже не дернулся, когда Нора встала совсем рядом. Нахмурившись, он не сводил взгляда со стола, как будто высматривал что-то в нем. И ей почему-то страсть как захотелось присоединиться к высматриванию. Должно быть, они выглядели, будто склонились в печали над гробом или могильной плитой, а не над столом, где Джона с Бенни на прошлой неделе устроили весьма постыдное соревнование в поедании картофельных очистков.

– Вы сказали, в прошлом году. – Он наконец нарушил молчание, Нора посмотрела на него, но он не ответил тем же. Он как-то прицепился к столу и определенной, совершенно неважной точке ее биографии.

– Это отчасти правда. Я переехала сюда в прошлом году. А ребенком я... каждый год я проводила здесь лето. И часто приезжала по праздникам. Вот что Джона имел в виду, когда сказал про двадцать лет.

Руки у него шевельнулись, напряглись. Но он промолчал.

Ее раздражало это сердитое молчание. И чего он ждал – что она расскажет ему всю биографию за несколько минут их предрассветного разговора? Хотя и сам ни словом не обмолвился об этом ужасном плане по аренде квартиры. Это ей следовало его отчитывать! Она бы начала с его выходки в подвале. Да, она хотела его ухода, но то, как он вышел, было грубо. Она бы так и сказала. Она бы указала ему на его манеры! Нонна так бы и поступила.

Но когда она повернулась к нему и открыла рот, все ее негодование превратилось лишь в...

– Я думала, вы носите очки.

Она тут же снова уставилась на стол, под который ей в этот момент очень хотелось спрятаться. Он к тому же отлично подошел бы в качестве надгробия ввиду ее преждевременной смерти от стыда.

Уилл рядом прокашлялся. Он заговорил, возможно, опять с усмешкой, – Нора не знала, она была поглощена своей новой могилой.

– Ношу иногда. Но у меня есть и контактные линзы.

– Ах да. Конечно. Наверное, очень удобно.

Повисла долгая пауза. Во время нее он, без сомнения, пытался подавить смех.

– Мисс Кларк, – произнес он наконец, и лучшим в этой фразе было то, что она подожгла в ней желание вновь заговорить; или хотя бы напомнила о его письме и о том, зачем они вообще здесь собрались.

Они повернулись друг к другу, Уилл опустил руки и сунул их в карманы. С каким бы хмурым и обескураженным лицом он ни покинул подвал, сейчас оно смягчилось. Само собой, этому помогло нелепое замечание по поводу его очков, и девушка мысленно щелкнула себя по носу за то, что дала ему такую фору.

– Необязательно называть меня мисс Кларк, – сказала она, хотя по строгости тона можно было подумать, что к ней следует обращаться именно как к мисс Кларк. – Можете звать меня Нора.

– Тогда Нора, – ответил он спустя секунду, и оказалось, лучше ей от этого не стало: во-первых, потому, что ей чересчур понравилось, как он это произнес и как посмотрел на нее в этот момент.

Словно он знал ее.

Под футболкой ей вдруг стало тепло от... раздражения? Да, она точно назвала бы это раздражением. Никакие другие варианты чувств к этому мужчине не были доступны.

– Вам надо уяснить, – начала она, потому что при мысли о советах соседей спадало... раздражение, – что это здание вряд ли подходит для организации того, что вы описали в своем письме.

– Не вижу никакой проблемы. У меня есть квартира, в которой я не намерен жить. У меня есть разрешение сдавать ее в аренду на краткосрочной основе. Здесь все подходит.

Ладно, вот теперь он раздражает, совершенно откровенно раздражает.

– Дело не в вашей... вашем помещении. – Щеки у нее загорелись. Почему слово «помещение» прозвучало так пошло? Загадка! Она поспешила продолжить:

– Дело в людях, что живут здесь. Мы не подходим для этого.

– Вам не придется ничего делать. Как и написал, я займусь уходом за квартирой и сделаю все возможное, чтобы...

– Вы не сможете этого делать. Вы живете на другом конце города и все время работаете. Сами так сказали.

Челюсть у него дрогнула.

– Я не хочу причинять никому вреда.

– Но уже причиняете. Поймите...

«Отлично, – подумала Нора, – помнишь реплики».

– ...поймите, что этот дом особенный. Все его жильцы живут здесь уже очень давно, и мы...

– Точно. Вы здесь уже двадцать лет, да?

Она прищурилась.

– Пусть так... Да! Двадцать лет, хотя не понимаю, почему для вас это так важно. В любом случае я знаю об этом месте все, чего не знаете вы, и, уверяю, из-за вас у жильцов будет немало проблем.

– Но это неправда.

Она недоуменно моргнула.

– Что неправда?

– Что вы знаете все. Например, вы не знали, что дома нет в реестре запрещенных к сдаче в краткосрочную аренду зданий.

Ладно, два очка уходят к нему, если надо будет сообщить счет Мэриан. Он был прав – вот что было хуже всего. Он был совершенно прав.

И все же. Все же. Двадцать лет! Нельзя забывать, что Нора знала множество неизвестных ему вещей.

И намерена была их использовать.

– Я помню, вы сказали, что плохо знали своего дядю, – сказала она, и его взгляд тут же переменился. Уверенность пропала в одно мгновение, сменившись сначала опаской и уязвимостью, а затем, когда она договорила, твердостью и решительностью.

– А я знала его хорошо. Он бы этого не хотел. Он любил эту квартиру.

Он уставился на нее. Далеко не тем мечтательно-звездным взглядом, как в их утреннюю встречу.

Совсем не тем взглядом.

– Наслышан, – отрезал молодой человек.

– Просто мы, – сказала она, даже радуясь, что в голосе просочились умоляющие нотки, – мы семья.

На секунду ей показалось, что это сработает. Он потупил взгляд в землю и переступил с ноги на ногу. Ей показалось, он даже кивнул.

Но если и так, то не в знак согласия.

– Что ж, Нора, – ответил он (и ей! не понравилось! как!), встретив ее взгляд своими глазами без очков и всяких признаков понимания. – Я не член вашей семьи. Так что.

Так что?

Это «так что» прозвучало как заявление. Как бы дружелюбно ни началось их общение на балконах, вернуться к нему невозможно. Теперь они по разные стороны баррикад.

Во дворе было непривычно тихо, недвижно, и у нее возникло ощущение, будто за ними наблюдают, будто все разошлись по квартирам и теперь сквозь задние двери наблюдали с любопытством и озабоченностью, как Нора разрешит ситуацию.

Так что, думала она, присваивая это заявление себе. Первой она не сломается. Она не сдвинется с места, где воздух между ними словно становился все более разреженным, а тело гудело от странного, сковывающего смятения: смеси гнева и притяжения, досады и радости.

Первой она не сломается.

Когда его телефон пиликнул снова, она не дрогнула. Но стоило ему потянуться за устройством в карман и взглянуть на экран, она позволила себе с облегчением выдохнуть. Победа по умолчанию – это все еще победа.

– Мне надо идти, – сказал он, но было ясно: ему очень не хотелось первым покидать поле боя.

«Отлично», – подумала она, лелея мысль, что все соседи увидят его уход. Когда он развернулся и пошел к задней изгороди, в ней вдруг проснулась безрассудная, незаслуженная уверенность.

– Трудности я вам обеспечу! – крикнула она ему вслед.

Он застыл. Затем развернулся и, кажется, посмотрел мимо нее, на здание, на балконы. Ей стало интересно, видит ли он наблюдающих за ними соседей. Улыбка – нет, усмешка – снова заиграла у него на лице, и она подумала (поверить не могла, что подумала!), что было бы неплохо украсть эту усмешку поцелуем.

– Раз так, хорошо! – прокричал Уилл через двор. – Хорошо, что к трудностям я привык!

Глава 4

Честно говоря, было легче думать о ней как о враге.

С врагами у Уилла опыта было достаточно. Правда, не с людьми, хотя, если задуматься, мужчину, в чьей квартире он сейчас находился, можно было к ним отнести. Нет, врагами Уилла всегда было нечто большее... разные институции. Школьные системы, правительственные программы, бухгалтерии – такого рода. И раз он стал врачом, ему удалось сохранить эту кровную неприязнь и во взрослой жизни, хотя сейчас, по его мнению, у него был куда более зрелый взгляд. Но в юности, полной страха, злости и печали, наличие врагов помогало ему концентрироваться, помогало выживать. Когда есть враг, все просто. Ты и он друг против друга, это отвлекало от другой проблемы, которая скорее была такой: ты против себя самого.

Ты против страха. Ты против печали. Ты против злости.

Так что с Норой – судя по всему, той самой девушкой с балкона – пусть лучше будет «он против нее», а не «он против своих воспоминаний о ней». И не «он против своего к ней притяжения». И даже не «он против своих мальчишеских, глупых чувств к ней».

В течение двух дней с их последней встречи он думал о своем будущем. Вместо размышлений, какая она вблизи – длинный хвост, светло-голубые глаза, – он ходил по магазинам для дома, закупался краской, поддонами и валиками. Вместо размышлений, что она сказала – будто защищала Донни, будто эта груда кирпичей была для нее чем-то вроде семьи, – он запоем искал компании по вывозу грузов, доставку матрасов, клининговые службы. Вместо размышлений о том, что он чувствовал в подвале – неуверенность, шаткость, отверженность, – он просматривал страницы с похожим жильем под аренду в том же районе, набрасывая три варианта описания квартиры, которые выложит, когда придет время. Он был вовлечен.

И, будучи вовлеченным, он мог думать о ней и ее соседях как очередной институции. Что ж, легкий враг. Ничего личного.

Приехав к Донни этим утром, он был готов к сопротивлению, допускал, что на двери квартиры может висеть какая-то надпись. Требование прекратить или по крайней мере наспех начерканное «УБИРАЙСЯ». Но ни с чем подобным он не столкнулся, ни у кого в окне даже занавеска не дернулась, когда он заходил в дом со стопкой узких коробок под мышкой. Даже бра в коридоре выглядели равнодушно, хотя думать иначе было бы странно. Еще и тишина в квартире Донни просто оглушала: не слышно было даже шагов этажом выше.

Значит, бойкот, хорошо. Так даже легче.

Уилл начал с кухни, посчитав, что так будет проще, – вряд ли бы он нашел там что-то чересчур личное, к тому же у него был длинный список самого нужного для арендаторов, предоставленный Салли. Он включил любимый подкаст о «Скорой помощи», эпизод о синдроме длительного сдавления, который хотел послушать, и начал разбирать вещи. Оставить, отдать, выкинуть.

Проще простого.

Но тут в дверь постучали.

Он чуть не пропустил это за звоном кастрюль, сковородок и голосом женщины из динамика телефона, который во всех потрясающе мерзких подробностях описывал технику проведения фасциотомии². Подняв голову, Уилл услышал второй, решительный стук и приглушенные женские голоса.

«А вот и наша институция», – подумал он, задержав дыхание, пока пробирался через кучи мусора. «Не думай о ней как о Норе».

² Фасциотомия – хирургическая процедура, при которой проводится разрезание фасции для облегчения напряжения мышцы или предотвращения сжатия артерий или нервов.

Он открыл дверь на словах о «нагноении в месте хирургического вмешательства» и увидел два знакомых лица – оба не Норы, – впериившихся в него, в руках у каждой гостьи было по накрытому фольгой блюду.

– Эм, – начал он, пытаясь переговорить рассуждения о цвете гноя в подкасте. – Позвольте, я... – Он попятился и выключил его. Что бы ни было под фольгой, пахло это беконом и углеводами – вот и институционные ритуалы или вроде того: не то типичное среднезападное радушие, не то гора соболезнований, не то все вместе. На выступление вражеской армии не похоже, если, конечно, они не подмешали слабительное в еду.

– Извините, – сказал он, неловко улыбаясь, потому что, если это знак примирения, надо вернуть в дело свой шарм. Что было довольно легко в отсутствие Норы.

– Мы принесли вам гостинцы! – сказала одна женщина, он неловко пожал ей руку. Помада на ее губах была настолько кричаще-красной, что он почти слышал ее.

– Я ваша соседка сверху, Коррин Салас, а это... – Она прервалась и тыкнула локтем в бок своей спутнице. Реакции на это не последовало, и она снова заговорила: – Это Мэриан Гуднайт, она живет в другом конце коридора от вас. – Снова тычок.

– Не знаю, есть ли у вас аппетит, – отрезала миссис Гуднайт, протягивая блюдо и кивая в сторону его телефона. – ...раз такое слушаете.

– Должно быть, это по работе! – воскликнула миссис Салас. – Нора говорила, что вы врач! Если позволите, я протиснусь, чтобы поставить блюдо...

Он и сказать ничего не успел, она уже прошла мимо, окруженная облаком парфюма и щебетания, а спутница молча (и ничем не пахнув) последовала за ней на кухню, расталкивая коробки «Оставить», «Отдать» и «Выкинуть». Минуту спустя пришло осознание, что два блюда – это только начало, что у обеих были сумки на плечах, которые женщины стали распаковывать.

– Так, теперь все разложим, – сказала миссис Салас, не ему, да и, судя по всему, никому конкретно. Глаза и руки ее были заняты просто безумным количеством еды, которую она водружала на запятнанную столешницу Донни. – Закину вам в холодильник. Что до контейнеров, с красными крышками можно оставить здесь, а с голубыми надо убрать в холодильник, хотя, если вы не собираетесь съесть все, что в контейнерах с красными крышками, их тоже можно держать в холоде.

Он недоуменно прокашлялся. Что за бред тут происходит? Разве можно *столько* еды набить слабительным?

– Это очень...

– О нет, – прервала его женщина, упершись руками в бока. – Забыла печенье! Подождите меня одну минуту. – Она уже шаркала в его сторону, обходя вещи Донни так же, как Уилл, но совершенно бессознательно. – Я сейчас вернусь. Мэриан, расскажи пока ему о кране в ванной!

Когда все затихло, они с незнакомкой Мэриан Гуднайт уставились друг на друга через заваленную блюдами столешницу и всю ширину квартиры, в которой, как он считал, Уилла явно не хотели видеть.

– Миссис Гуднайт, – начал он. – Приятно познакомиться...

– Хотелось бы узнать, как это вы так быстро получили такое разрешение, – сказала она, оторвавшись от расстановки еды. Ее голос напомнил Уиллу голос его учительницы в третьем классе: громкий, требовательный, постоянно разочарованный. Она скрестила руки и подняла брови поверх золотой оправы очков.

На секунду он поднял руку к лицу, словно чтобы поправить свои собственные, но вспомнил, что сегодня без очков.

И выбор этот никак не был связан с Норой.

Честно говоря, взгляд, которым его одарила Мэриан Гуднайт, был довольно устрашающим, но зато более понятным, чем их появление с гостинцами. Они явно разыгрывали сценку

с плохим и хорошим полицейскими, так что он расслабил плечи, сунул руки в карманы и приготовился к битве.

– У меня есть связи, – ответил он, улыбаясь.

Мэриан прищурилась.

– В этом весь Чикаго, не так ли? Кого вам пришлось убить?

Он недоуменно моргнул.

– Что? Никого.

Она осмотрела его с ног до головы, выпятив губу.

– Вам-то небось легче. Со всеми вашими... таблетками.

Боже мой! Какая злая старушка. Ему это даже понравилось.

– Я никого не убивал.

Она прыснула:

– Посмотрим.

Он поджал губы, хотя сам не понял, почему впервые за день его рассмешило именно обвинение в тяжком преступлении. И что бы миссис Салас ни имела в виду насчет крана в ванной, ему вряд ли расскажут, ведь миссис Гуднайт опять его игнорировала, она открыла холодильник и стала заполнять полки, которые Уилл только полчаса назад помыл.

Через несколько минут комнату вновь наполнили парфюм и щебетание: миссис Салас вернулась с уже открытой жестяной банкой мантекадитос³, как она их назвала.

– Возьмите одно, – сказала она, почти что швырнув печенье ему в лицо, и Уилл задумался, не собираются ли его убить.

Но, пожевав угощение – сливочное, хрустящее и вполне приятное орудие убийства, если уж на то пошло, – он понял: старушки что-то замышляют.

Миссис Салас не просто принесла тонну еды, она обрушила на него тонну вопросов и тонну тем для разговора. Ей во что бы то ни стало надо было знать, в какой области он врач, в какой больнице работает и смотрел ли когда-нибудь шоу про дерматолога, который целыми днями выдавливает прыщи. И ей обязательно надо было показать Уиллу текущий кран в ванной, про который Донни рассказал на своем последнем собрании жильцов и для починки которого Уилл должен вызвать сантехника. Ей надо было поведать ему о крошечной дверце кладовки в шкафу хозяйской спальни, ведь сам он мог ее не найти. Ей надо было спросить, не находил ли он ножниц с красными ручками, которые она одолжила Донни в прошлом месяце, и не нужна ли Уиллу коробка с почтой Донни, которую миссис Салас держала у себя.

Нет, это было не убийство.

Это было куда... запутаннее.

Заполнение квартиры Донни вещами, хотя он решил от них избавиться.

Заполнение времени Уилла разговорами, хотя действовать ему надо было быстро.

Это было не просто так.

Это был саботаж.

На еде дело не закончилось.

Едва прошло полчаса с ухода первых гостей, как в дверь снова постучали, и на этот раз – с выпивкой.

Домашней выпивкой, если точнее, приготовленной мужчиной среднего возраста по имени Бенни, который жил на втором этаже и держал дома маленькую пивоварню. Он принес Уиллу бутылку какого-то американского пшеничного эля со стаканом, чтобы Уилл попро-

³ Мантекадитос – классическое доминиканское песочное печенье.

бывал. Вспомнили и про еду: оказалось, Бенни слышал, что Мэриан принесла картофельную запеканку, и ничего, если он возьмет пару кусочков? Десять минут спустя Бенни уже сидел в коричневом кресле Донни, держа тарелку картошки с беконом и сыром, а затем пришел муж миссис Салас, и, представляете, он бы хотел угоститься мантекадитос. А еще он зашел кое-что вернуть: ручной пылесос Донни, который взял на починку, – и принести соболезнования Уиллу, какое горе для всех нас, но пылесос теперь как новенький, так что он оставит его прямо здесь, на журнальном столике, если никто не возражает.

После обеда Уиллу показалось, что можно отдохнуть, никто не беспокоил его целый час, но, когда в дверь раздался очередной вежливый стук, он даже щеку закусил, чтобы не взвыть от отчаяния. В кои-то веки в дверях никого не было, но на полу стояли три растения в горшках, и в одном из них, прямо меж сочными зелеными листьями, была записка:

«Уважаемый доктор Стерлинг, – начиналась она мелким аккуратным почерком. – Я забрала их из квартиры вашего дяди после его смерти и присматривала за ними с того времени. К каждому растению я написала рекомендации по уходу, они на горшках. Надеюсь, они будут хорошо расти в ваших руках. Скорблю вместе с вами, Эмили Гуднайт».

Ага, запасной игрок, ведь она, как и другие жильцы, могла отнять у него кучу времени этими рекомендациями с тем же мощным запалом подробностей. У него в жизни не было комнатного растения, а у Донни были, отчего Уиллу стало до нелепого обидно. Он уже перебирал в голове коллег, кому мог бы их отдать, но не успел он занести последнее растение в квартиру, как на лестнице послышались шаги.

Он словно был на самой долгой в жизни смене.

Это оказался старик, наехавший на него днем ранее в подвале, – невысокий, он очень проворно спускался по лестнице, неся коробку, которая немного подрагивала у него в руках.

– Я могу вам помочь? – спросил Уилл, ступая вперед и уже недовольный собой. Чертовы инстинкты. Зачем Уилл позволяет им облегчить саботаж соседей? Зачем пускает их внутрь, потакает их болтовне и провожает будто дорогих гостей?

Старик взглянул на него поверх коробки, прищурившись.

– Я в вашей помощи не нуждаюсь, – сказал он слишком громко, и его голос эхом отразился от стен коридора, возможно напугав херувимчиков. – Да я бы тобой жим лежа мог сделать, Шпала.

Господи, ладно. Шпалой его еще не называли. Но ведь его раньше и не обвиняли в убийстве ради разрешения на аренду и не отдавали ему три комнатных растения, так что. Сегодня многое случилось впервые. Он вздохнул, когда мужчина обошел его и прошел в квартиру Донни, будто сам был в ней хозяином.

Коробка оказалась на сиденье кресла, и старик протянул Уиллу руку.

– Я Джона Хэждак. Мне восемьдесят лет, и я живу здесь дольше кого бы то ни было, следовательно, мне больше всех не нравятся твои действия.

– Ладно, – сказал Уилл, отвечая на крепкое рукопожатие таким же. Эта прямолинейность принесла облегчение. Ему хотя бы не придется кормить старика картошкой и разговорами.

Опустив руку, Джона указал на коробку.

– Здесь кое-какие вещи твоего дяди, в основном инструменты, которые я у него брал, еще пара книг, но я так и не прочитал их.

– Хорошо. Спасибо, что занесли. – «А теперь, пожалуйста, уходите», – думал Уилл, но озвучить это ему не хватило прямоты.

– Ты на него совсем не похож.

Уилл пожал плечами.

– Я уж не в курсе. – Тогда, много лет назад, вид у него был не самый удачный.

– И он никогда о тебе не рассказывал. Вообще.

Слова ужалили, но Уилл не обратил внимания. Он подошел к креслу, делая вид, что рассматривает содержимое коробки. Но на самом деле ничего не видел.

– Неудивительно, если вы к этому клоните. Они с мамой поссорились много лет назад.

Насколько можно судить по крупицам сведений, которые ему удалось вытащить из мамы в следующие недели после их неудачной поездки к Донни, причиной их ссоры было в основном поведение мамы в то время, когда она познакомилась с отцом Уилла. Убегала из дома, врала, ругалась с матерью. Поначалу казалось, что дело в переходном возрасте, но в конце концов она сбежала, прихватив немалую долю сбережений матери и Донни. Она так просто это рассказывала, без угрызений совести. Может, даже с долей гордости.

Он залез в коробку, порылся в вещах, стараясь выглядеть при деле.

– Я лишь говорю, что никто из нас понятия не имел о твоём суициде...

– Джона, – раздался чей-то голос в дверях. Сам не зная почему, Уилл всегда чувствовал облегчение при появлении Норы, и сейчас тоже. Из всех его сегодняшних посетителей она была страшнее всех, опаснее всех. И наверное, она пришла его добить.

Но сперва он подумал о другом. Он поднял на девушку взгляд – и единственной мыслью в его голове было: «Наконец-то».

«Наконец-то она пришла».

Ее волосы снова были забраны в гладкий прямой хвост, который ему совершенно внезапно и безрассудно захотелось дернуть. Одетая она была так же, как и предыдущим днем: свободная серая кофта, укороченные темные леггинсы, кроссовки, которые явно не ступали на улицу.

Она была очень красива.

«Какая разница, идиот? – одернул он себя. – Она враг».

– За тобой приехали, – сказала она Джоне.

– Уже? – Он пригладил седые лохмы и похлопал по карманам. – Рано она сегодня. – Старик посмотрел на Уилла. – Я слежу за тобой, паренек! – рявкнул он и пошел на выход.

– Никакого алкоголя, – с тревогой в голосе сказала Нора, когда он приблизился.

– Разумеется, разумеется. – Он обернулся на Уилла и заявил, что сидит в «приложениях для знакомств!», а затем обошел Нору, шепнув ей что-то, что Уиллу не удалось расслышать.

По телу врача прошла волна негодования. С него довольно этого фарса в духе «мы одна семья», который перед ним целый день разыгрывали, отвлекая от дел и замедляя процесс. Он наконец отвел взгляд от Норы и оглядел комнату. Изначальный беспорядок превратился в еще больший, и он догадался, кто за этим стоит.

– Вижу, вы с пустыми руками, – произнес он, направляясь к кухне. – Неожиданно.

Краем глаза он видел, что она все еще в дверях и не решается войти, в отличие от своих соседей. Почему-то это его только больше взбесило. Он хотел, чтобы она зашла, вот что хуже всего.

– Могу я что-то вам предложить? Запеканку, небольшой электроприбор? Может, цветок в горшке? – спросил он.

Она шагнула внутрь, и ему пришлось усмирить непослушное сердце. В ее приходе не было ничего необычного. Из всех соседей осталась лишь она одна, а ему явно не видать покоя, пока все они к нему не сходят. Для галочки, вот и все. Это же просто.

– Что ж, – сказала она, осматривая квартиру. Она явно была ей не так хорошо знакома, как Джоне, и это почему-то успокаивало. – Теперь вы со всеми познакомились.

– Со всеми, кроме Эмили, – ответил он, указав на растения.

Нора пожала плечами и осторожно коснулась одного крупного листа.

– Она застенчивая.

– Должен признаться, идея была неплохая, – сказал он, подняв все еще почти пустую коробку «Выкинуть».

– Не понимаю, о чем вы.

Он показал коробку.

– Не хотите взглянуть на мои успехи в уборке кухни? Или, если это неинтересно, могу рассказать о бражке Бенни, которая слегка меня затормозила. О, и пишется она через «р», если вы не знали. – Он не знал и добрые 10 минут думал, что Бенни спрашивает его о бляшках в сосудах. – Она как-то связана с пивом. Я сегодня многое узнал.

Лицо у нее вспыхнуло.

– Это было не... – Она покряхтела. – Мы просто хотели поприветствовать вас в доме.

В том растении ничего интересного не было, она просто избегала его взгляда.

– Не уверен, что у вас получилось, как вы задумывали. – Ответил он, и она сжала губы.

– Просто Джона немного грубоват.

– Дело не в Джоне. Мэриан думает, что я пользуюсь доступом к медикаментам в преступных целях.

Наконец она посмотрела на него, едва сдерживая проступающую улыбку. Видеть эту борьбу – пухлые розовые губы, ямочка на левой щеке – было нелегко.

Это было невыносимым наслаждением.

– Мэриан – сторонница теории заговора, – сказала она наконец.

– Я так и понял. Она думает, я сделал что-то противозаконное, чтобы получить разрешение.

Улыбка резко пропала.

– А сделали?

– Нет. Мне немного помогли. У моей приятельницы есть несколько таких квартир. – Он не знал, стоит ли называть Салли приятельницей, но прошлым вечером она написала ему, спрашивая, начал ли он ремонт, и прислала селфи на фоне кафе в отеле. Это было по-приятельски.

Нора закатила глаза.

– Ну конечно. Вы, значит, собираетесь превратить это в бизнес? Ждете еще одного умершего родственника с недвижимостью?

– Нет. Я и этого не ждал. Я же говорил, что мы почти не были знакомы. И удивлен не меньше вас.

Она нахмурила бровь, скрестила руки на груди и снова осмотрелась. За день до этого она неплохо выступила, сказав, что Донни – это член семьи, о которой она без конца твердила, но теперь в этом можно было усомниться. Ее взгляд блуждал, то и дело задерживаясь на каких-то деталях: коробке в кресле, стопке газет рядом, черно-белой фотографии стадиона «Ригли-филд» над плоским телевизором. Она искала ответы.

– А вам не любопытно? – спросила она, смотря на него. – В смысле... раз вы его не знали. Не хотите выяснить, почему он оставил квартиру вам?

Не поднимая головы, он кинул грязные кухонные полотенца в коробку на выброс. «Любопытно» – не то слово. Ему было досадно, ужасно обидно. Любопытство насчет Донни виделось ему уступкой, а он не хотел ни в чем уступить.

– Не особо. А если бы и было, он уже не ответит на мои вопросы. Зацикливаться на прошлом бессмысленно, всегда так считал.

Она нахмурила бровь.

– Какое-то время без этого не обойтись.

– О чем вы?

Она шагнула вперед, заглянула в оставленную Джоной коробку, затем обогнула кресло и встала рядом с ним у длинной кухонной стойки, открывающей вид на гостиную. Пробежалась глазами по комнате – утвари, которую он вытащил из нижних шкафчиков, стопкам посуды, которые умудрился достать из верхних.

– О том, что вы окружены прошлым. Его прошлым, в частности.

Он сглотнул, почувствовав жар на шее. Подумал о компаниях по вывозу грузов, стоимости наиболее полных пакетов их услуг. Если бы он мог себе это позволить, они бы уже разбирали вещи, избавив его от прошлого Донни. Которое было ему ни капли не нужно.

– Буду расторопнее, – сказал он немного сдавленно и посмотрел на нее. – Если вы не помешаете.

Она отвернулась от него, посмотрела на гостиную и на балконную дверь. Ему нравился ее профиль: линия переносицы, угол челюсти, изгиб шеи сзади, открытый благодаря собранным в хвост волосам.

– Я надеялась, вы передумаете.

Она говорила тихо, словно раскрыла ему тайну. Словно он опять оказался на балконе, выжидая, пока ее голос спустится до него. Уилл бы и правда передумал, если бы она продолжала так с ним говорить. Если бы они были одни, в темноте. Если бы Донни не имел к этому никакого отношения.

Она прокашлялась и заговорила снова, лишив голос всякой мягкости. «Уже лучше», – сказал он себе.

– После, ну. После знакомства со всеми. Здесь живут реальные люди, а не вложения в недвижимость.

– Реальные люди делают вложения в недвижимость. Я реальный человек.

Она обернулась на него, прищурившись.

– Вы не понимаете, что я хочу донести.

– Разве? А что вы хотите донести, Нора?

У нее вырвался звук – быстрый разочарованный выдох, почти что стон, и... да. Ему стало не лучше, а совсем наоборот. Он закусил щеку, стал повторять, как мантру: легче, легче, легче, – пытаясь ощутить превосходство, когда она сдалась, опустила взгляд и собралась уходить.

Что было дальше, объяснить он не смог, кроме как опять же: инстинкты его подвели. Он не мог не проводить ее до двери.

То ли она не ожидала его появления сзади, то ли хотела что-то ему сказать. Нора внезапно развернулась, прямо у коричневого кресла, которое он так возненавидел, и поскользнулась на газетах. Она вмиг пошатнулась, вскинув руку, чтобы поймать равновесие. Он мог бы дать ей приземлиться на подлокотник, немного помять коробку Джоны, зато она бы не ударилась.

Но нет.

Он поймал ее за руку.

Ладонь к ладони. Они с хлопком соединились и сцепили пальцы.

Скрепили печать.

Он слегка нагнулся над ней и в такой близости мог рассмотреть все: тонкие волоски, выходящие вдоль линии роста волос. Невероятно маленькие искорки золота, таящиеся в голубой радужке глаз. Особенность, которую он заметил на ее левой щеке, оказалась не ямочкой, а тонким прямым шрамом, едва видимым глазу. И вспышку белизны слегка неровных нижних зубов, когда она изумленно раскрыла губы.

Стучащий на ее шее пульс.

«Черт, – подумал он. – Черт, ее ладонь».

Словно ток прошел по нему. По всей левой руке. И прямо к сердцу.

«Отпусти, – продиктовала какая-то часть его мозга. – Это опасно».

Но мозг он не слушал. Он слушал сердце, екавшее от потрясения, бьющееся в унисон с ее пульсом. Он смотрел, как она смотрит на него – тоже разглядывая все детали вблизи. Проскользнула мысль, что притянуть ее к себе будет легче всего. Стоило ей разрешить, он бы тут же так и сделал. Поймал бы ее нижнюю губу своей, он бы...

– А... кто-то еще есть?

Он моргнул и выпрямился. Едва осознавая, что все еще держит ее за руку, хотя оба они крепко стоят на ногах. Голос ее звучал тихо, почти как шепот.

«Нет. Никого нет», – хотел ответить Уилл.

Но, честно говоря, он понятия не имел, о чем она спрашивает, – мозг давно оказался за бортом. И только спросил в ответ:

– Кто-то еще?

Вена на ее шее все еще пульсировала.

– Я... э...

Она прочистила горло и, потупив взгляд, чуть шагнула в сторону. Он тут же отпустил ее ладонь и открыл было рот, чтобы извиниться – что он себе позволяет, как может так держать ее за руку? – но она выдала окончание своей фразы:

– Я лишь думала... слушайте, вам явно неинтересна эта квартира. Но, может, кому-то другому из вашей семьи она нужна? Может, они могут ее выкупить...

Как по щелчку разум к нему вернулся. Легко: она снова враг.

– Я сирота, – отрезал он. – И Донни, видимо, тоже был, вот что между нами общего. Ни братьев, ни сестер. Так что нет, Нора. Никого нет, кроме меня.

Все, что он в ней рассмотрел, исчезло. От тонких волосков и до пульсировавшего местечка на шее.

Он почти жалел об этом, почти хотел взять свои слова назад. Он как мог старался не поднимать эту тему в разговорах, собеседники почти всегда чувствовали себя крайне неловко. Дело не в том, что ему сложно было говорить об этом – все-таки у него было достаточно времени, чтобы привыкнуть. Скорее людям было нелегко это слышать. Они либо колебались, пытаясь выразить сочувствие, либо, что еще хуже, начинали задавать вопросы, на которые он не хотел отвечать. Говорить о своем сиротстве сейчас – она стояла так близко, что могла бы взять его за руку, если бы хотела, – казалось дешевым трюком.

Но этот дешевый трюк его спас: на секунду он почти забыл, почему Нора Кларк не для него.

– Мне жаль, – произнесла она. И, надо отдать ей должное, сказала она это, ни секунды не колеблясь. – Правда, мне очень и очень жаль.

Он пожал плечами, надеясь выглядеть обыденно. Незадетым.

– Если вы не против, я бы вернулся к уборке.

– Да, конечно! – сказала она, делая шаг в сторону, аккуратно, чтобы не наступить на газеты. В этот раз он даже не попытался ее проводить.

Дойдя до двери, она остановилась и развернулась.

– До встречи, – сказала она, но Уилл, кажется, пропустил ее слова.

Но заметил – и думал об этом еще долго после ее ухода, – как она потирала ладонь большим пальцем другой руки.

Ладонь, которой она соприкоснулась с ним.

Глава 5

– Ему не нравится.

Нора взглянула через плечо Дипы на дверь конференц-зала. Может, Остин скоро вернется, но она, если честно, сомневалась. Ему не свойственно было устраивать сцены, так что даже легкое недовольство и просьба «вернуться к этому позже» – а ведь таймер окончания встречи даже не прозвенел! – означали жирную точку. Сейчас он уже наверняка вернулся за свой непростительно прибранный стол и мял шарик от стресса с лого Verdant Media, который хранил в коробке в верхнем правом углу.

– Ну мы стараемся как можем, – сказала Нора, стараясь поддерживать непринужденность, с которой говорила все последние сорок пять минут онлайн-звонка. Так выглядела ее тактика «обычных рабочих будней», которую она оттачивала с тех пор, как Остин скрепя сердце позволил ей перейти на удаленную работу. Она поняла, что, пока ведет себя так, будто ничего не изменилось, у него не будет повода усомниться в своем решении. – Клиент у нас не то чтобы простой.

– Р-р-р, – недовольно произнесла Дипа, закатив глаза. – Ты даже не представляешь. Во время ужина на прошлой неделе она спросила, можем ли мы сделать мобильную игру. Показала мне битмоджи себя «для вдохновения».

Нора поерзала на неудобном стуле, еле удержавшись, чтобы не скривиться. Частично реакция была на ситуацию с битмоджи, но по большей части на фразу: «Ты даже не представляешь». Она «не представляла», потому что ее давно уже не звали ни на ужин, ни на обед, ни на кофе, ни на фреш с клиентами. Она не очень по этому скучала – для нее подобные мероприятия были худшей частью проекта, – но знала, что Остин скучает по ней на этих встречах. Он не один раз уже жаловался Норе на неумелый покерфейс Дипы. Наверное, она и на ужинах так же закатывала глаза, как сейчас на звонке.

– Что, если мы переработаем цветовую гамму? – предложила Нора, стараясь не провалиться в чувство вины. Теперь она жила здесь, и все. Остину придется привыкнуть, что ее больше нет в Сан-Диего, и единственный способ ему помочь – это продолжать хорошо выполнять свою работу и доказать, насколько она незаменима для него. – Кажется, ей всегда не очень нра...

– Она нам не подходит, – сказала Дипа. – Заклюет нас до смерти, прежде чем поймет, что для нее стать звездой важнее, чем спасти мир.

Нора вздохнула, понимая, что Ди права. Когда Остин основал Verdant Media, его миссия была предельно ясна: стать лучшим дизайнерским и маркетинговым digital-агентством для брендов, ориентированных на устойчивое развитие. Десять лет назад это было уникально, но сейчас так делали все: сама Нора одновременно обслуживала тридцать пять крупных сайтов, и еще семь проектов были в разработке. Большинство клиентов были компаниями, но с недавних пор Остин начал работать с подобными клиентами – «экоинфлюенсерами», как он их называл, – людьми, кто выкладывает в инстаграм фотографии крафтовой косметики и бытовой химии в милых флакончиках.

Норе этот новый тренд не нравился, но владелец компании Остин, и это Остин взял Нору в качестве стажера, когда той было всего двадцать. Благодаря Остину она стала одной из немногих на курсе, у кого к выпуску уже была работа. Благодаря ему она вблизи наблюдала успех маленькой компании на протяжении десяти лет. И благодаря Остину она занималась тем, что любила и умела делать, даже когда захотела работать на другом конце страны.

– Я с ним поговорю, – сказала Нора, закрывая все окна, касающиеся экоинфлюенсеров, на втором, большом мониторе, и с облегчением проморгалась. У нее до сих пор не получилось организовать пространство, экран все еще был слишком близко к лицу во время работы.

На дисплее ноутбука Дипа на секунду вышла из кадра и вернулась с косметичкой цвета металлик. Нора улыбнулась новому порядку старых вещей. Еще работая в офисе, они с Ди часто зависали в туалете на третьем этаже, где почти никогда никого не было. Ди поправляла макияж, пока они болтали о работе, жизни и других вещах. Теперь они делали то же самое, но зеркалом служила картинка на видеозвонке. Норе казалось слегка странным говорить с тем, кто настолько крупным планом показывал нанесение туши и блеска для губ, но, справедливости ради, Ди была хороша в макияже.

– Итак, рассказывай. Что там случилось с новеньким парнем? – спросила Дипа.

Теперь Нора даже не подумала сдержаться презрительный прищур. Случилось то, что она все испортила и теперь пряталась у себя в квартире уже полтора дня, пытаясь отойти не только от того, *что* она заставила его о себе рассказать, но и от того, что осознала про себя после их прикосновения. Этим утром впервые за много месяцев она не стала вставать с кровати в четыре утра. Одеяло сбилось к ногам, а она смотрела в потолок, стараясь выкинуть из мыслей невероятно яркий и крайне неприличный сон про Уилла Стерлинга и возможностях его ладони.

– Эм, – произнесла Нора.

– Дай угадаю. Твой план задушить его добротой провалился. А я говорила тебе: спрячь в квартире рыбу. У тебя есть ключ. Запах будет невыносим.

Нора решительно помотала головой, а Ди в этот момент сотворила что-то кистью и хайлайтером, чему можно посвятить целый урок на YouTube.

– Нет, мы таким не занимаемся. Мы не преступники.

В ответ Дипа закатила глаза, но Нора знала, что подруга не стала бы такого делать. Наверное.

– Тогда, как ни тяжело в этом признаваться, ты его не остановишь. Ты в курсе, что в моем доме теперь где-то двадцать квартир, сдающихся на Airbnb? И я уверена, что как минимум еще несколько соседей будут сдавать квартиры во время Комик-кона. – Тут она прервалась. – Стоп, может, и мне так сделать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.